Шляпники

Автор:
Тамзин Мерчант

Шляпники

Тамзин Мерчант

Магические истории (АСТ)

Семья Корделии из очень древнего рода волшебников-шляпников, которые умеют вплетать чары в каждую шляпу. В мире Корделии создание шляп, плащей, часов, ботинок и перчаток из волшебных ингредиентов – это редкий и древний дар, которым владеет только несколько семей.

И когда отец Корделии, Просперо, теряется где-то в море на своём корабле «Весёлый чепчик» во время миссии по сбору магических ингредиентов, девочка полна решимости найти его.

Британская актриса Тамзин Мерчант известна на весь мир благодаря своим ролям в «Гордости и предубеждении», «Тюдорах», «Джейн Эйр» и «Салем». Она пишет сценарии и снимает короткометражные фильмы.

«Шляпники» – это первая книга цикла, открывающая новый магический мир.

Для среднего школьного возраста.

Тамзин Мерчант

Шляпники

Моей семье

Tamzin Merchant

The Hatmakers

* * *

The author has asserted her moral rights. All rights reserved.

Печатается с разрешения издательства Penguin Books Ltd.

THE HATMAKERS

Original English language edition first published by Penguin Books Ltd, London.

Копирование, тиражирование и распространение материалов, содержащихся в книге, допускается только с письменного разрешения правообладателей.

Copyright © Tamzin Merchant 2021

© Зиганшина Е., перевод, 2021

© Издательство АСТ, 2021

* * *

Глава 1

Той ночью разразилась дикая гроза. Это была одна из тех ночей, которые меняют абсолютно всё.

Небо пронзали извилистые трезубцы молний, над крышами и шпилями Лондона с ритмичностью океанских волн рокотал гром. Дождь хлестал стеной, тучи сотрясались от вспышек, и казалось, будто весь город погрузился под воду.

Но Корделии Шляпник не было страшно. В своей освещённой свечами комнате под самой крышей Дома Шляпников она представляла, будто находится на борту «Весёлого Чепчика». Громадные волны швыряли корабль из стороны в сторону, и Корделия шла по палубе (на самом деле по коврику перед камином), пошатываясь и борясь с завывающим ветром.

БУМ.

– Фортескью, задраить все люки! – завопила она. – Мне придётся привязать себя к штурвалу!

С каминной доски на неё невидяще таращился оловянный солдатик.

– Есть, капитан! – краешком рта пропищала за него Корделия.

БУМ.

– Враг открыл огонь! – крикнула она, стиснув спинку своего деревянного стула и крутанув её. Под её ладонями стул превратился в огромный корабельный штурвал.

БУМ.

Резкий порыв ветра распахнул окно. Свеча потухла, и Корделия оказалась в темноте.

БУМ, БУМ, БУМ.

Звук эхом разносился вверх на все пять этажей Дома Шляпников – кто-то колотил во входную дверь.

Корделия сползла по приставной лестнице из спальни вниз и поскакала по коридору. Из своей комнаты появилась тётушка Ариадна, закутавшаяся в бархатный халат сливового цвета. Показался и дядюшка Тибериус – его седые волосы были встрёпаны со сна.

– Отец! – крикнула Корделия, проносясь мимо них. – Отец вернулся!

БУМ, БУМ, БУМ.

Корделия сбежала по винтовой лестнице, пронизывающей весь Дом Шляпников посередине. Она пролетела мимо пратётушки Петронеллы, прикорнувшей перед трепещущим в камине Алхимического Кабинета сиреневым пламенем. Промчалась мимо высоких дверей Шляпной Мастерской и, решив, что быстрее всего будет скатиться по спиральным перилам, в три секунды достигла нижнего этажа.

Босые ноги шлёпнулись о холодные плитки пола. Корделия потрясла головой, чтоб она перестала кружиться, и побежала (по не совсем прямой линии, потому что перед глазами всё чуточку плыло) через просторный вестибюль к двери.

Она повернула массивный ключ в замке, и небо озарила белая вспышка. За рельефным стеклом окна вырисовывался высокий силуэт.

Корделия распахнула тяжёлую дубовую дверь, и воздух сотряс раскат грома.

Разряд молнии расколол небеса надвое.

На пороге Дома Шляпников стоял мужчина. Он вымок насквозь, был изрядно потрёпан и тяжело дышал.

Это был не отец.

Глава 2

Мужчина вошёл в дом, впуская за собой дождь и буйный ветер, и Корделия попятилась. Богатый парчовый плащ гостя пах морской водой и солью.

– Лорд Витлуф! – Это произнесла тётушка Ариадна, спускающаяся по лестнице с фонарём в руке. – Святые небеса, что произошло?

С лорда Витлуфа на пол вестибюля капала дождевая вода, образуя лужу.

– Увы, не небеса, мадам Шляпник, а море! – прохрипел лорд Витлуф. – Кое-что произошло в море!

У Корделии появилось чувство, будто по её шее ползёт Сибирский Ледяной Паук.

– Прошу вас, милорд, поведайте же нам, что случилось, – попросил дядюшка Тибериус.

– Что-то стряслось с «Весёлым Чепчиком»? – В дверях кухни появилась Кух с закрученными на лоскутки волосами и деревянной ложкой в руке.

– Где мой отец? Капитан Шляпник? – тонким и дрожащим от страха голоском спросила Корделия.

Лорд Витлуф снял с головы чёрную треуголку и вылил из неё приличное количество воды.

– «Весёлый Чепчик», – проговорил он, – потонул. Он разбился о жуткие скалы в устье Речного Зева.

Сквозь дом с воем пронёсся ветер.

– А мой отец? Где он? – спросила Корделия.

Ледяной Паук оплетал её внутренности студёной паутиной.

Лорд Витлуф перевёл взгляд на свои башмаки.

– Я был там. Ждал на самой вершине маяка, чтобы убедиться, что корабль минует пролив в целости, – пробормотал он, стискивая свою шляпу так, что костяшки пальцев побелели. – Во дворце с волнением ожидали возвращения капитана Шляпника с последним ингредиентом для новой королевской шляпы. Но сегодня…

Лорд Витлуф запнулся, взгляд его переполнял ужас.

– Корабль попал в шторм, – продолжил он, и лицо у него посерело. – Я был так близко, что ветер доносил до меня крики команды, я видел даже, как капитан Шляпник сам встал за штурвал… но прежде чем корабль успел миновать опасность и найти убежище в Речном Зеве, из чёрного океана поднялась ужасная волна и швырнула «Весёлый Чепчик» прямо на скалы. Корабль в считаные секунды превратился в щепки.

Корделия трясла головой. Потом она осознала, что у неё трясётся всё тело.

– Все ушли на дно вместе с кораблём, – прошептал лорд Витлуф. – Никто не спасся.

– Но… нет, – сказала Корделия. – Мой отец плавает лучше всех, кого я знаю. Он может выплыть и из шторма, и из водоворота. Он не мог утонуть!

Лорд Витлуф был печален и выглядел так, словно его мучила морская болезнь.

– Капитан Шляпник пропал в море, – сказал он. – Мне очень жаль.

Горе и ярость Корделии, оказавшиеся сильнее подкашивающихся ног, понесли её вверх по лестнице. За её спиной рваным флагом трепетал голос тётушки Ариадны. Пока Корделия наугад шла по коридору, к глазам подступила предательская волна слёз. Девочка рванула на себя последнюю дверь, и её окутал до боли знакомый отцовский запах.

Это был аромат пряностей, которые отец привозил из своих приключений, и кедра, и дыма, и морского воздуха. Корделия бросилась на его пустую постель и зарылась в колючие шерстяные одеяла.

Она лежала, уткнувшись лицом в подушку, и чувствовала себя так, будто из неё вот-вот вырвется самая печальная на свете песня. Эта песня завывала в её животе, поднимаясь в грудь, обволакивая сердце и устремляясь в горло, и Корделия ощущала, как она отчаянно вибрирует там.

– Корделия? – прошептала тётушка Ариадна, на цыпочках входя в комнату. Небеса разразились громом. Он напоминал звук разбивающихся о скалы кораблей. – Бедная моя Корделия.

Девочка лежала, напрягшись всем телом и изо всех сил стараясь не дать печальной песне вырваться изо рта. На спину ей легла тёплая ладонь. Наконец тётушка сказала:

– Это поможет тебе уснуть, моя дорогая.

Она отбросила волосы Корделии в сторонку, и девочка почувствовала, как ей на голову осторожно натягивают Луноцветный Ночной Колпак.

Тёмно-фиолетовая магия колпака накрыла её, и, не успела она и разок вдохнуть, как уже спала. Корделия видела тянущиеся к ней из глубины щупальца и звала отца, но рокот волн заглушал её голос. Всю ночь беспокойные штормовые

сновидения шептали ей: «пропал в море, пропал в море, пропал в море», а в странном небе кружил, причитая, альбатрос.

Наутро Корделия проснулась с кое-какой мыслью.

То, что пропало, можно найти.

Глава 3

Корделия натянула отцовский сюртук. Его золотые пуговицы мерцали в точности так, как мерцает надежда. Она закатала рукава и покинула комнату.

В Доме Шляпников стояла тишина. Через окно виднелось чистое голубое небо, а усеивавшие стекло капельки дождя поблёскивали в бледно-жёлтых лучах солнечного света.

В Библиотеке пахло пчелиным воском, отполированным деревом и турецким ковром. На полках бок о бок теснились тысячи книг. Древние гримуары, справочники новых наук, тома, полные зловещих тайн, – все соперничали друг с другом за место в шкафах. Некоторые, с корешками из потрескавшейся кожи, доставали Корделии до колен, а то и выше; другие, переплетённые шелками цвета драгоценных камней, были меньше её ладони. Страницы всех этих книг шептали, когда она переворачивала их.

Было так рано, что Поисковые Голуби ещё дремали в своём вольере возле окна, спрятав головы под крылья.

– У-ру-ру, – тихонько проворковала им Корделия. Пока она наполняла птичью кормушку свежими семенами и наливала чистую воду в блюдце, за ней наблюдали, мигая, несколько ярких чёрных глаз.

Она посмотрела на одну конкретную птицу.

– Агата, – сказала Корделия. – Мой отец пропал в море, и только ты можешь его найти.

Агата важно встопорщила крылья и заворковала.

Отец Корделии, капитан Просперо Шляпник, сам вывел Агату, держа её (когда она ещё была в яйце) в тепле у себя под мышкой. В один прекрасный день голубка проклюнулась через скорлупу, обнаружила, что сидит на его бережной ладони, и сочла, что он – идеальная мать.

Поисковый Голубь, выведенный подобным образом, всегда долетит до своей матери, где бы та ни находилась, чтобы принести весточку домой. Так что Корделия достала из верхнего ящика стола крошечный свиток бумаги и написала:

Отец, говорят, что ты пропал в море. Если ты пропал – тебя можно найти. Пожалуйста, найдись как можно скорее…

На свитке почти не осталось места, так что она кое-как втиснула:

…и вернись домой, пожалуйста. С любовью, Дилли

Она поцеловала бумагу – очень осторожно, чтобы чернила не размазались – и помахала ею в воздухе, чтобы высушить. Потом туго скатала свиток и запечатала в миниатюрной стеклянной бутылочке пробкой и сургучом.

Корделия бережно вытащила Агату из вольера и привязала бутылочку к её лапке. Она чувствовала, как быстро трепыхается птичье сердечко.

– К Просперо, к Просперо! – прошептала Корделия, будто заклинание.

Она широко распахнула окно, и Агата выпорхнула на улицу. Корделия высунулась наружу, наблюдая за ней, пока птица не превратилась в бледную

крапинку над свежеомытыми дождём лондонскими домами.

– Кордилли?

В дверном проёме стоял, потирая помятое со сна лицо, дядюшка Тибериус. Он напоминал медведя, которого слишком рано разбудили из спячки.

– Ты в порядке, малютка? – мягко спросил он обычно грохочущим голосом.

– Да, дядюшка, – ответила Корделия. – Я только что отправила послание отцу.

Плечи дядюшки Тибериуса поникли.

– Ох, Корделия, милая моя девочка, – сказал он.

– Понимаешь, – объяснила Корделия, – если он пропал в море, значит, его можно найти. Так что я послала Агату найти его.

– Малютка Шляпник, – с тяжестью в голосе произнёс дядюшка Тибериус, – когда мать Поискового Голубя… погибает… бедный сбитый с толку голубь просто улетает… и больше не возвращается.

Глаза дядюшки Тибериуса внезапно заблестели, и он высморкался в зелёный шёлковый платок.

– Не плачь, дядюшка! – сказала Корделия, залезая на стул, чтобы похлопать его по сотрясающемуся плечу. – Агата найдёт отца. Он не погиб – он просто пропал, а это совершенно разные вещи.

Дядя Тибериус вытер глаза.

– Ну же, выше нос! – Корделия улыбнулась. – Мы должны закончить творить Шляпу Концентрации для короля. Нас будут ждать во дворце!

Обычно в день, когда Шляпникам предстояло доставить шляпу во дворец, весь дом гудел от веселья и хаоса. Но в то утро все, за исключением Корделии, были одеты в траур и двигались очень медленно, а глаза у них сильно покраснели. Кух положила в овсянку Корделии побольше мёда и крепко чмокнула её в макушку.

Джонс, кучер Шляпников, заглядывал в дом, прислонившись к кухонному окну, с чашкой чая в руке. Он был одет в элегантную синюю форму и чернильно-чёрную треуголку, а на лице у него читалась хмурость.

Бледная тётушка Ариадна, сидящая во главе стола, откусила сухой краешек тоста. Она поправила побег руты на своей чёрной Шляпе Скорби и сказала:

– Прости, что нам приходится идти во дворец сегодня, Корделия, моя смелая девочка. В том, чтобы быть Шляпниками Короны, есть свои тяготы, и долг всегда зовёт.

– И нельзя, чтобы проклятые Башмачники обставили нас. Или эти жеманные Перчаткотворцы, если уж на то пошло, – прорычал дядюшка Тибериус, угрюмо помешивая овсянку.

– Или Часотворцы с Плащетворцами! – подхватила Корделия.

– Щёголи и фанфароны, – пробурчал дядюшка Тибериус.

– Да и к тому же, – договорила Корделия, – отец хотел бы, чтобы мы пошли.

Губы тётушки Ариадны слегка затряслись.

– Мы должны сделать всё, что в наших силах, чтобы закончить шляпу, даже без особого ингредиента, который вёз домой Просперо.

– А что это был за ингредиент? – спросила Корделия.

– Перо с уха Афинской Совы из Платонических лесов, – ответил дядюшка Тибериус. – Мудрейшая птица в мире: улетает на огромные расстояния, чтобы

избежать людского общества. Оно помогло бы королю полностью сосредоточиться на работе и укрепило бы в нём стремление оставаться непотревоженным.

– Сбегай помоги пратётушке Петронелле с камином, моя Корделия, – сказала тётушка Ариадна особенно дрожащим голосом.

– Пусть горит поживее, дитя! – прохрипела пратётушка Петронелла.

Корделия принялась так энергично раздувать стонущие меха, что сиреневое пламя ожило, встрепенувшись и лизнув фиолетовыми язычками закопчённый дымоход. Огонь бросал мерцающий свет на медные инструменты, в Алхимическом Кабинете заплясали лиловатые тени. Пратётушка Петронелла положила прохладные ладони Корделии на щёки.

– Ты сильная девочка, – сказала древняя леди, как-то вскаркнув.

Корделия подумала, что взрослые ведут себя весьма глупо – оделись в чёрные одеяния и говорят ей, что она смелая и сильная.

– Я знаю, ты думаешь, будто отец утонул. Я тоже так думала прошлой ночью, – сказала она пратётушке. – Но на самом деле, когда я проснулась, то поняла, что он просто пропал. А это совсем разные вещи, понимаешь ли. И он однажды двенадцать дней выживал на дырявом плоту, дрейфующем по океану. Он где угодно может выжить.

Просперо Шляпник действительно двенадцать дней выживал на плавающем в океане обломке корабля. Как и Корделия. Это была её любимая история.

«Ты родилась посреди океана, крошка, – рассказывал Корделии отец. – Мы с твоей мамой частенько отправлялись на поиски ингредиентов. В один прекрасный день мы осознали, что с нами путешествует и третий Шляпник – ты! Ты появилась на свет одной очень звёздной ночью, недалеко от побережья

Марокко. Вся команда устроила праздник, а мы с твоей мамой были на седьмом небе от счастья. У нас на корабле не было люльки, поэтому мы сделали колыбель из шляпной коробки, и ты очень сладко в ней спала. Именно эта коробка и спасла тебя…

Много недель спустя над нами ни с того ни с сего разразилась ужасная буря. В мачту ударила молния, и наш корабль загорелся. Я был у штурвала, пытался вывести нас из шторма, когда увидел, что твоя мама бежит прямо в чрево корабля. Она появилась из огня и дыма со шляпной коробкой в руках.

И именно в тот миг корабль с жутким скрежетом раскололся надвое; из-за пожара он треснул до самого киля. Целый мир будто распался пополам, а твоя мама швырнула коробку через расщелину, над бурлящей водой. Я кинулся за тобой. Коробка опустилась на гребень волны, и я бросился в океан. Когда я вынырнул, половина корабля исчезла. Я выбрался на оставшиеся обломки. Ты каким-то чудом осталась жива, хоть была очень мокрой и ёрзала в своей шляпной коробке.

Всю ночь я искал выживших. Но на рассвете понял, что твоей мамы больше нет. Всей команды нет. Мы с тобой остались вдвоём, застряли на полупотопленном корабле, на многие мили окружённые пустым океаном.

Двенадцать дней спустя нас подобрала проходящая мимо португальская каравелла, и в конце концов я вернулся в Лондон с тобой – величайшим сокровищем из всех, что я когда-либо привозил домой».

Её отец всегда носил на шее ракушку на цепочке. Внутри ракушки была крошечная картина, не больше глаза Корделии, – портрет её матери. Девочка могла часами вглядываться в этот портрет, в гладкую мамину кожу, венец тёмных волос и добрые улыбчивые глаза. Это совершенно завораживало её.

«Ты выглядишь в точности как она, крошка Шляпник, – всегда говорил отец с полным любви взглядом. – Она подарила тебе свои красоту и ум».

Когда отец говорил так, Корделия улыбалась ему и спрашивала: «А что ты подарил мне, отец?»

Тогда он расплывался в ответной улыбке и говорил: «Дары Шляпника. Свободу в голове и магию на кончиках пальцев!»

– Ты не только сильная девочка, но ещё и смелая. – Хриплый голос пратётушки Петронеллы вырвал Корделию из мыслей.

Девочка моргнула. Пратётушка смотрела на неё с гордостью и печалью.

– Он не умер, – твёрдо сказала ей Корделия. – Он вернётся. Я послала к нему Агату.

Пратётушка поцеловала её в лоб и дала солнечно-сахарную тянучку из жестяной банки.

– Корделия! Мне нужна твоя помощь в мастерской! – позвала тётушка Ариадна.

Глава 4

Корделия, сколько себя помнила, всегда помогала родным в их ремесле. Ещё не научившись ходить, она ползала между дубовыми скамейками в мастерской, нося во рту ленты и кружева. Если они оказывались слегка подмокшими, дядя терпеливо высушивал их над камином, а потом уже пришивал на свои творения.

Когда Корделия начала ходить, она ковыляла по Отделочной Комнате, осторожно держа над головой перья для шляп. Вразвалочку она бродила между струями пара от тётиных шляпных болванок и завихрениями кристального света из Алхимического Кабинета.

Первые слова, которые она выучила, были написаны колючими рунами в шепчущих книгах из Библиотеки. Она подружилась с пышными растениями, цветущими в оранжерее на крыше, познакомилась со звёздами, глядя на них в пратётушкин телескоп, и дала имена всем Поисковым Голубям.

Она укутывала Лунный Кактус в шерстяной шарф, когда выпадал снег, а летом остужала веером Везувианский Камень, чтобы он перестал сочиться лавой на пратётушкин стол. Она знала кустарники, которые ведут себя грубо, если только не поговорить с ними вежливо, и была единственной, кто мог убедить Тиморский Папоротник дать новый побег, шепча ему добрые слова.

Сколько поколений Шляпников жили в этом доме – никто и вспомнить не мог. Магия ингредиентов, которые они привозили из путешествий по миру, просочилась в каждую частичку дерева и в ветхие от времени камни. Сморщенное стекло древних окон, стены и даже колпаки на дымовой трубе топорщились и подрагивали от своей собственной своеобразной магии.

Иногда эта магия весьма раздражала. Например, если наступить на каминный коврик в мастерской в неправильном месте, он специально делал так, чтобы вы запнулись. Одна из половых досок очень боялась щекотки и норовила дёрнуться, если по ней пройтись. Дядюшку Тибериуса частенько выводил из себя шкаф, где хранились невидимые предметы. Дверца этого шкафа постепенно теряла очертания – став сначала малоприметной, потом туманной, а затем совершенно невидимой. Но когда дядюшка не мог её отыскать, Корделия точно знала, как именно нужно прищуриться, глядя на стену, чтобы заметить ручку.

Но хоть девочка и оказывалась весьма полезной по дому, творить шляпы самой ей не разрешали.

«Ингредиенты непредсказуемы, – частенько предупреждала её тётушка. – Они могут быть чрезвычайно опасны, если использовать их неправильно. А некоторые ингредиенты не стоит использовать вообще никогда».

Запретные ингредиенты были спрятаны в Зловещем Секретере – железном шкафу, стоящем в мастерской. Корделию вечно отсылали из комнаты, когда его открывали. Её всегда очень интересовали скрытые в нём злокозненные сокровища, но ей никогда не удавалось взглянуть хоть на что-нибудь и одним глазком. Всё собранное во время экспедиций и сочтённое слишком опасным запиралось в его железных стенах, а ключ от Зловещего Секретера постоянно висел на поясе у тётушки Ариадны.

Корделия, сколько себя помнила, всегда помогала родным в их ремесле

На дверцах секретера был начертан девиз Шляпников на латыни:

NOLI NOCERE

Это означало «Не навреди» и было важнейшим принципом в сотворении шляп.

Корделия как-то слышала, как Просперо и дядюшка Тибериус взвешивают один ус Саблетигра. Она прижималась ухом к замочной скважине Шляповзвешивательной Комнаты, когда услышала дядин вздох: «Он куда тяжелее моей самой большой меры Зловещести, Просперо! Придётся отправить его в Зловещий Секретер».

Так что они открыли Зловещий Секретер и заперли ус в нём.

Корделия даже как-то слышала, что в секретере хранится Грай-камень, но об этом она спрашивать не осмеливалась. Зато она несколько раз пыталась поторговаться с тётушкой касательно Шляпотворчества в целом.

«Я не стану творить плохую шляпу! – убеждала она, сделав ужасно большие и честные глаза. – Я сотворю очень милую шляпу. Абсолютно безобидную».

«Ты ещё маленькая, Корделия, – неизменно отвечала ей тётя. – Тебе нужно ещё много узнать, прежде чем даже подумать о том, чтобы сотворить первую шляпу».

Но Корделия ещё как думала о сотворении первой шляпы. Она мечтала обернуть яркий отрез фетра вокруг шляпной болванки, украсить его лентами, и перьями, и драгоценностями, и витыми веточками, расшить жемчужинами и усыпать пуговками, и ракушками, и цветами, и…

«Это совершенно исключено», – был вечный тётин ответ, закрывающий тему.

Корделию такие слова совсем не радовали.

У тётушки Ариадны была золотая шляпная булавка, украшенная изумрудом размером с ягоду крыжовника. Тётя решительным жестом втыкала её себе в волосы, прежде чем закатать рукава и начать новую шляпу. В булавке таилась сила, которая делала её превосходным и чудесным Шляпником.

У дядюшки Тибериуса была изящная серебряная шляпная булавка, которую он хранил воткнутой в нагрудный карман. Пратётушка Петронелла свою булавку с красным сверкающим камушком вонзала в пучок на голове. Шляпная булавка Просперо была выстрогана из ветви Корабельного дерева, а носил он её на своей капитанской шляпе.

Каждый день рождения Корделия надеялась, что и ей подарят шляпную булавку, которая превратит её в Шляпника. Будь у неё булавка – она наконец смогла бы приступить к работе, ведь руки так и чесались начать. Но она знала, что ей, как и всем Шляпникам до неё, будет разрешено сотворить свою первую шляпу лишь в день её шестнадцатилетия.

У Корделии было чувство, будто ждать этого ещё как минимум несколько жизней.

На одиннадцатый день рождения ей в качестве особого подарка разрешили обмахнуть жёсткой барсучьей кисточкой только что сформованные шляпы, чтобы они засияли.

– Когда тебе будет двенадцать, крошка Шляпник, ты приступишь к изучению могущественных ингредиентов, которыми мы отделываем шляпы. Начнём с перьев, – пообещал Просперо. – В перьях очень много магии и характера.

Сегодня, когда до её двенадцатилетия оставалось ещё несколько месяцев, Корделия вбежала в мастерскую и обнаружила, что дядя склонился над серо-зелёной шляпой, надетой на болванку, и пришивает к широким бархатным полям гирлянду из розмарина.

– Розмарин для памятливости, – бормотал он.

На время работы дядя и тётя отложили свои чёрные Шляпы Скорби в сторону. Теперь на головах у обоих были чепцы в рюшках, завязанные под подбородками большими канареечно-жёлтыми бантами.

– Знаю, что мы выглядим довольно глупо, – сказала тётушка Ариадна, увидев круглые глаза Корделии, – но нельзя позволить, чтобы наша личная печаль прокралась в королевскую шляпу. Это испортит весь наш тяжкий труд. Поэтому мы носим Чепцы Легкомыслия, пока доделываем её, чтобы не падать духом.

Она предложила чепчик и Корделии, но та отказалась.

– Он мне не нужен, спасибо, тётя, – сказала девочка.

Тётушка Ариадна отвернулась, скрывая лицо за пышными оборками чепца.

Корделия знала, что тётушка изо всех сил старается не унывать. Настроение Шляпника во время шляпотворения чрезвычайно важно. Тётушка Ариадна не раз говорила Корделии: «Важнее всего, чтобы добрые намерения текли от твоего ума к твоим рукам и к шляпе».

Если Шляпник был печален, или зол, или небрежен, или беспокоен, например, его настроение передавалось шляпе, а потом и владельцу шляпы, стоило тому надеть её на голову. Дядюшка Тибериус как-то рассказал ей об одном без оглядки влюблённом в свою милую Шляпнике, которому довелось творить Шляпу Солидности для одного политика. Любовь Шляпника напитала Шляпу Солидности цветущим обожанием, отчего политик почувствовал непреодолимое любовное влечение к лидеру оппозиции. (Корделия подозревала, что творцом этой шляпы был сам дядюшка Тибериус, но он никогда в этом не признавался.)

– Паучий шёлк, – произнесла тётушка Ариадна, поворачиваясь к Корделии с серебряным мотком нежнейшей паутины в руках. – Сплетён Коричневым Глубокораздумным Пауком и собран вчера до восхода луны. Корделия, мне нужна твоя помощь. Не забывай о концентрации.

Корделия широко расставила руки, пока тётушка Ариадна осторожно наматывала на них превосходный паучий шёлк. Скоро между её ладоней повис сияющий серебряный мостик.

– Теперь скрути его, – велела тётя.

Корделия повертела ладонями, и нити свились и превратились в тонкую шёлковую верёвочку. Тётушка Ариадна разрезала её и аккуратно завязала узлом оба конца.

– Теперь мы пришьём это к шляпе, начиная отсюда, прямо над левым глазом… – Тётушка приколола верёвочку паучьего шёлка к шляпе. – И обернём по часовой стрелке вокруг тульи…

Корделия с восхищением наблюдала, как тётя мастерски обматывает шляпу сияющей верёвочкой.

– И это должно стимулировать концентрацию короля – именно для этого и была заказана шляпа.

Корделия кивнула. Тётушка повернулась к ней.

– Можешь сказать, почему я выбрала шёлк Коричневого Глубокораздумного Паука?

Корделия на миг задумалась, прежде чем ответить.

– Ты выбрала паучий шёлк, потому что пауки усердно трудятся над своими паутинами, а эта шляпа должна помочь королю усердно трудиться… и Коричневый Глубокораздумный Паук любит бумагу и тишину, а королю нужны бумага и тишина, чтобы сконцентрироваться.

– Превосходно. – Тётушка Ариадна улыбнулась. – Мы довершим её свежим цветком с Лозы Святой Эгиды. Не принесёшь ли один?

Корделия нырнула под сушильные верёвки, на которых висели свежеокрашенные шелка, и кинулась вверх по лестнице в оранжерею. Когда она

пробегала мимо Алхимического Кабинета, из его двери вырвалось облако небесно-голубого дыма.

– Бесподобно! – услышала она карканье пратётушки Петронеллы. – Капелька Стекла Постижений почти готова!

Корделия свернула в тёмный кабинет и увидела, что пратётушка держит железными щипцами переливающуюся стеклянную капельку, похожую на жидкий солнечный свет. В воздухе витал горячий запах. Алхимия казалась Корделии странной смесью поэзии и науки.

– А, дитя – подай-ка мне вон ту банку с подоконника, – прохрипела пратётушка Петронелла. – Осторожно, она полна Громового Дождя.

Корделия открыла окно и аккуратно подняла стоящую снаружи на подоконнике банку. Она была до краёв наполнена серой, как гроза, дождевой водой, слегка всплеснувшей, когда девочка понесла её через комнату. Из банки донёсся раскат грома, и над водой вспыхнула крохотная молния.

– Хорошая и свежая, – с улыбкой сказала пратётушка Петронелла, когда Корделия поставила банку на стол.

Пратётушка погрузила сияющую капельку в воду. Комнату заполнили клубы пара, похожие на дождевое облако. В воздухе затрещали и защёлкали крохотные зигзаги молний.

Когда облако пара рассеялось и Корделия снова могла разглядеть пратётушку, она увидела, что стеклянная капелька, которую пратётушка держала в щипцах, стала кристально-чистой и сияющей.

– Стекло Постижений поможет королю сфокусироваться на самом главном, – объяснила пратётушка.

– Как это оно так поменялось? – спросила Корделия.

– Штормовая вода – лучший усилитель. Иногда человек, пережив шторм, будто сотворяется заново.

У Корделии перехватило дыхание. Пратётушка Петронелла внимательно смотрела на неё. Её глаза походили на два кристалла, сияющих в глубине древних складок её лица.

– Что нужно, чтобы пережить шторм? Бодрость духа и здравый смысл, – монотонно сказала она. – У Просперо есть и то, и другое.

– Ты думаешь… – начала Корделия.

Пожилая леди подняла бледную, как бумага, руку, требуя тишины.

– Стеклотворцы в Венеции знают о штормах всё, – сказала она. – У них есть полные бочки штормовой воды. Они собирают разную воду от разных штормов. А бочки у них такого размера, что в них можно слона искупать. Эти венецианцы настоящие мастера над стеклом.

– А ты была там когда-нибудь, видела их? – спросила Корделия, округлив глаза.

– Давным-давно… – начала пратётушка, но её перебил донёсшийся снизу крик.

– Корделия! Где цветок?

– Иду, тётушка! – отозвалась Корделия, выбегая из Алхимического Кабинета и бросаясь наверх, в оранжерею.

Несколько минут спустя свежесотворённая капелька Стекла Постижений была пришита на самую верхушку шляпы и засияла там, как крупная бусинка чистой воды. Шляпу с бледно-жёлтым цветком с Лозы Святой Эгиды, поблёскивающим на полях, понесли в Шляповзвешивательную Комнату.

Посреди этой комнаты стояли большие деревянные весы, а на полках вдоль стен выстроились сотни медных гирь.

Дядюшка Тибериус выбрал маленькую гирьку размером с яблоко.

– Концентрация, – сказал он, кладя её на весы. – В размере десяти Сосредоточенностей.

Тётушка Ариадна аккуратно поместила шляпу на другую чашу весов. Деревянный механизм медленно наклонился, как детская качалка, и шляпа поплыла вниз, пока не оказалась вровень с гирькой на второй чаше.

– Браво! – прогремел дядюшка Тибериус. – Концентрации достаточно!

– Попробуй Трезвомыслие, – предложила тётушка Ариадна.

– Что такое Трезвомыслие? – шёпотом спросила Корделия, пока дядюшка Тибериус тянулся к гире размером с пушечное ядро, чтобы проверить ею шляпу.

– Это совершенно особый сорт Здравомыслия, – прошептала в ответ тётя.

Шляпа оказалась чуть легче, чем мера Трезвомыслия, так что дядюшка подобрал гирю поменьше. На этот раз шляпа перевесила и поплыла вниз.

Тётушка Ариадна кивнула.

– Подойдёт.

Наконец дядюшка Тибериус положил на чашу весов совсем крошечную гирьку, не больше божьей коровки.

Шляпа и гирька пришли в полное равновесие.

– А это что такое? – спросила Корделия.

– Радость, – негромко ответил дядюшка Тибериус. – В небольшой мере. Ровно столько, чтобы скрасить труды.

Шляпники оглядели своё творение. Шляпа вышла элегантная, бледно-серо-зелёная, отделанная серебром и розмарином. Корделия представила, что как только король наденет эту шляпу, ему захочется провести целый день и целую ночь в своём кабинете, усердно трудясь.

Дядя шмыгнул носом.

– С пером с уха Афинской Совы вышло бы гораздо лучше, – прохрипел он надломившимся от печали голосом.

– Полно, Тибер, – мягко сказала ему тётушка Ариадна.

Обычно после взвешивания новую шляпу клали в шляпоподъёмник и спускали на первый этаж в магазин Шляпников.

Однако эта шляпа предназначалась королю.

Аккуратно уложенную в изящные шелка, устилающие прекрасную шляпную коробку с тёмно-синей лентой, Шляпу Концентрации отнесли в карету Шляпников.

Джонс подал карету к передней двери. Он важно сидел на козлах, держа поводья двух лоснящихся лошадей. Лошади мотали головами и тихонько ржали, готовые сорваться с места.

Тётушка Ариадна с Корделией залезли внутрь. За ними последовал дядюшка Тибериус, осторожно держа шляпную коробку. Пратётушка Петронелла помахала им на прощание из окна.

Джонс пустил лошадей быстрой рысью. Шляпная коробка подпрыгивала на коленях дядюшки Тибериуса всю дорогу от Уимпоул-стрит до дворца.

Внутри кареты царила тишина. Тётушка Ариадна время от времени всхлипывала и крепко сжимала ладонь Корделии рукой в чёрной перчатке. Дядюшка Тибериус хмурился и не сводил глаз со шляпной коробки. И тётя, и дядя сняли яркие Чепчики Легкомыслия и снова натянули Шляпы Скорби. От чёрных шляп карету заполняли тени. Путь прошёл в молчании.

Зато во дворце стоял шум и гам.

По просторному двору носились тонконогие лакеи в красной отделанной оборками одежде, бархатных шёлковых беретах и белых чулках (выглядели они весьма глупо, подумалось Корделии). Они пытались поймать сотни писем и бумаг, которые кружил над землёй лёгкий ветерок.

Карета Шляпников остановилась посреди этой суматохи. Осанистый лакей распахнул дверь, и семья выбралась наружу.

– Сюда, – сказал лакей, указывая на золочёные двери дворца. Его благородную попытку игнорировать творящееся вокруг безобразие подорвал лист бумаги, прилетевший ему прямо в лицо.

Корделия успела прочесть одну строчку, написанную неразборчивым почерком:

Его Величество Король настоящим повелевает Железолитейной Пушечной Фабрике изготовить 10 000…

Не успела она дочитать, как перепуганный молодой слуга в сползшей на глаза бархатной беретке схватил бумагу, отчего лакей пошатнулся.

Шляпники знали дорогу в тронный зал и отправились по лабиринту коридоров. Дядюшка Тибериус с важным видом нёс перед собой шляпную коробку. И знатные дамы, и служанки, и придворные в белых париках – все поворачивались посмотреть Шляпникам вслед. Корделия сияла от гордости, шагая рядом с шляпной коробкой, предназначавшейся самому королю.

Служанка, несущая в руках целую охапку белья, ахнула:

– Вот это да! Шляпники!

Корделия улыбнулась ей, и служанка от удивления выронила бельё.

У дверей в тронный зал стояли на страже четверо солдат в серебряно-чёрной форме. Казалось, они изо всех сил стараются игнорировать доносящиеся изнутри странные блеющие звуки. У их ног почему-то лежал одинокий светло-

синий башмак, опрокинутый на бок.

– А! Шляпники! – воскликнул один из стражей. – Мы вас ждали!

Он распахнул двери, и процессия вошла в тронный зал.

Король Георг был на своём троне. Но это оказалась единственной нормальной вещью из всей развернувшейся перед семьёй сцены.

На короле не было ничего, кроме кружевных панталон, блестящих туфель из змеиной кожи и алого сюртука нараспашку. И на троне он не сидел. Он стоял на нём на одной ноге и блеял, как заблудившаяся овца. С уха у него свисала бархатная перчатка, из одной ноздри торчала редиска, а второй синий башмак балансировал на его голове.

Глава 5

– Ваше Величество, – низко кланяясь, обратилась к королю тётушка Ариадна. Корделия с дядюшкой Тибериусом поклонились тоже.

В тронном зале царил полнейший беспорядок. На полу валялись бумаги и одежда, на скамеечке для ног хлопал крыльями павлин, шторы на распахнутом окне трепал ветер. Белый завитой парик короля был криво водружён на статую какой-то греческой богини.

Принцесса Георгина, одетая в прекрасное платье из бледно-розового шёлка, напряжённо стояла возле отцовского трона. В руках она стискивала переливающийся фиолетовый плащ и, казалось, изо всех сил старалась не расплакаться.

По другую руку от короля стоял лорд Витлуф. Выглядел он ещё более усталым, чем прошлой ночью, когда заявился на порог Шляпников. И всё же он, как того требовал долг, занимал своё место у трона, готовый поймать Его Величество, если тот вдруг потеряет равновесие и упадёт.

– А, мои шляпные подданные! – провозгласил король. – Ложка есть ложка, пока не дырява – тогда это вилка, чтоб есть пудинг кудрявый.

Дядюшка Тибериус степенно наклонил голову.

– Вы совершенно правы, Ваше Величество.

– Запиши это, Перкинс, – велел король павлину, выдёргивая из носа редиску и принимаясь её жевать.

Корделия хихикнула, а тётушка Ариадна ткнула её в бок.

Король с интересом посмотрел на Корделию.

– Детский смех – лучшее лекарство, – сказал он, помахивая ботвой от редиски. – За исключением, конечно, тех случаев, когда у вас приступ икоты. Тогда нужно усадить на себя спрингер-спаниеля и ждать, когда пройдёт.

Корделия вежливо кивнула.

– Заковать этого безумца в кандалы! – проревел король Георг. Он соскочил с трона, приземлился на серебряные карманные часы и раздавил их. Потом он пнул огромную стопку бумаг и захихикал, когда бумаги разлетелись вокруг него, как опавшие листья.

– Ваше Величество, умоляю, не пинайте эти бумаги, – взмолился лорд Витлуф. – Это важные документы, которые гарантируют, что мы сохраним мир с Францией!

– Попробуем снова, милорд? – предложила принцесса, встряхивая фиолетовый плащ.

Лорд Витлуф кивнул.

– Я подготовлю документы, – прошептал он, прибирая бумаги, пока король отвлёкся, заглядевшись на собственное отражение в золотом блюде. Лорд сложил бумаги стопкой на стол возле окна и окунул лебединое перо в чернильницу.

– Не побудете ли вы снова приманкой, пожалуйста? – попросила его принцесса.

Лорд Витлуф вздохнул, а потом поднял перо над головой, как хохолок какаду.

– Ловите меня, Ваше Величество, – проворковал он.

Король бросил корчить рожи в сверкающее блюдо и начал подкрадываться к лорду, как кот, охотящийся на воробья. Когда он замер, изображая, будто умывает усы, принцесса накинула плащ ему на плечи.

На мгновение король Георг выпрямился во весь рост, сделавшись вдруг величественным. Плащ волнами ниспадал с его плеч. Лорд Витлуф потащил короля к столу.

– Подпишите вот здесь, Ваше Величество! Достаточно вашей королевской монограммы – GR, – сказал лорд бодрым и воодушевляющим голосом.

Король взял перо, уставившись на бумаги.

Все затаили дыхание, а король поднял перо, повертел его разок в руке – и внезапно пощекотал им нос лорда Витлуфа.

– Ап-ЧХИ-И-И! – чихнул лорд Витлуф.

Разразившись ликующим хихиканьем, король смёл всю стопку бумаг в распахнутое окно, а в придачу разбил чернильницу.

Принцесса всхлипнула.

– Довольно этого вздора! – закричал король, подпрыгивая. – Смотрите, как я танцую польку!

Его Величество закружился по своему разгромлённому залу, плащ за его спиной развевался, как пара крыльев цвета чертополоха.

Лорд Витлуф в отчаянии глядел из окна на опускающиеся на землю бумаги.

– Срок, к которому должны были быть доставлены эти бумаги, давно прошёл, – вздохнул он, роясь в кармане. Лорд вытащил оттуда стеклянные карманные часы с синей бабочкой на крышке и застонал. – Господь всемогущий, прошёл ужасно давно! И поведение Его Величества становится только хуже! Началось всё с того, что он сделался немного легкомысленным – играл с едой, говорил глупыми голосами и тому подобное. Но теперь всё настолько плохо, что он не может сконцентрироваться ни на минуту! Только пукает, пляшет и отказывается надевать штаны!

Корделия понимала, насколько, должно быть, тяжело, когда по дворцу носится не в меру глупый король, хотя польку, по её мнению, он танцевал отменно. Король попытался закружить в танце свою дочь, но она отдёрнула руки.

«Её отец тоже пропал, хоть и не так, как мой», – подумала Корделия.

– Всё, что он надевал, работало лишь мгновение-другое! – воскликнула принцесса. – Часов Логики от Часотворцев хватило на две секунды, а теперь они разбиты вдребезги; Башмаки Размышлений от Башмачников даже надеть на него не удалось; Перчатки Железноручия от Перчаткотворцев ни на минуту не удерживают его от дёрганья. А Пл… О нет!

Король сбросил плащ с парадного балкона и заворожённо наблюдал, как он плывёт по воздуху, словно причудливая фиолетовая медуза.

– Вы наша последняя надежды, Шляпники! Если эта шляпа не избавит моего отца от этого немыслимого поведения, я не знаю, что нам ещё делать!

– Мы даже послали за королевским доктором, – сказал им лорд Витлуф. – Хотим узнать, сможет ли он пролить свет на причины этого. Проберт, будьте добры,

приведите его. – Он отдал знак лакею, и тот унёсся прочь.

– Батюшки, – пробормотал дядюшка Тибериус. – Доктор. Как прогрессивно.

Несколько мгновений спустя лакей вернулся вместе с высоким мужчиной, серьёзно хмурящимся под стать своим серьёзным усам.

– А, доктор Пиявкс, входите, входите, – пригласил лорд Витлуф.

– Доброе утро, Ваше Высочество. – Доктор степенно кивнул. – Лорд Витлуф.

Он приподнял одну бровь, глядя на Шляпников, прежде чем поставить на стол свой чёрный чемодан.

– Я как раз говорил Шляпникам, что жизненно необходимо, чтобы король вылечился от своей глупости, – рассудительно продолжил лорд Витлуф. – Франция угрожает нам войной. И если Его Величество не сможет концентрироваться достаточно долго, чтобы подписать эти бумаги, всё королевство будет в опасности. Положение невероятно тяжёлое.

Тётушка Ариадна открыла шляпную коробку и вынула Шляпу Концентрации. Доктор Пиявкс посмотрел на неё свысока.

– Мне жаль сообщать вам об этом, Ваше Высочество, Ваше Превосходительство, – сказала тётушка Ариадна, – но эта шляпа не закончена.

Вид у принцессы Георгины стал подавленный.

– Как вам уже, вероятно, сообщил лорд Витлуф, Ваше Высочество, мой брат, Просперо Шляпник, пропал в море вместе с кораблём нашей семьи, – начал дядюшка Тибериус. Однако внезапно он прервался и спрятал лицо в зелёный шёлковый платок. Принцесса Георгина вскинула руки ко рту, а лорд Витлуф принял скорбный вид.

Мимо них беспечно прогарцевал король, зажав между ног свой скипетр, как лошадку-скакалку.

– Он вёз домой редкое перо, перо Афинской Совы, которое, как мы считаем, помогло бы Его Величеству… – объяснила тётушка Ариадна.

Доктор прочистил горло, но Корделии показалось, что прозвучало это как едва сдерживаемый презрительный смех. Голос тётушки Ариадны сошёл на нет, и в зале повисла горестная тишина, нарушаемая лишь цоканьем воображаемой лошади короля.

– Просперо Шляпник был хорошим человеком, – объявил лорд Витлуф. – Мы вместе учились в Кембридже, хотя он был на несколько лет младше меня, конечно, обучался Теории и Практике Алхимии. На первом курсе он выиграл приз за то, что изготовил отвар из Святого Духа, насколько я помню. Англия лишилась отличного искателя приключений и превосходного Шляпника.

«Это мы ещё посмотрим!» – вспыхнула в голове у Корделии огненно-яркая мысль.

Дядюшка Тибериус шмыгнул носом, а потом твёрдо сказал:

– Мы должны ошляпить короля и, за неимением пера Афинской Совы, верить, что сделали достаточно.

– Конечно, – деликатно уточнила тётушка Андриана, – по древней традиции Творцов Королевского Облачения предметы наиболее сильны, когда их надевают все вместе…

Она окинула взглядом разбросанные вещи.

Лорд Витлуф вздохнул.

– Бесспорно, но его трудно убедить надеть и одну вещь, мадам Шляпник.

Все повернули головы к королю – он уже бросил свой скипетр и теперь свисал вниз головой с длинной бархатной шторы. Надеть шляпу на висящего вверх тормашками человека было весьма непросто (хоть и не в диковинку).

– Ваше Величество, пожалуйста, слезайте оттуда, – залебезил лорд Витлуф. – Вы же Главнокомандующий Королевской Армии и Гросс-Адмирал Королевского Флота, но вы не можете быть ни тем, ни другим, если ноги у вас будут выше головы.

– Ваше Величество, вот замечательная шляпа для вас, примерьте, – нараспев сказала тётушка Ариадна.

Король покосился на шляпу. Лорд Витлуф сделал шаг вперёд, и король взвизгнул и попытался вскарабкаться по шторе вверх.

– Он сорвётся! – закричала принцесса.

Король взвыл, цепляясь за медный карниз. Принцесса, лорд Витлуф и Шляпотворцы принялись умолять Его Величество спуститься. Доктор наблюдал за всем этим, скрестив руки на груди.

«Бедный король, – подумала Корделия. – Наверное, очень тяжело всё время быть здравомыслящим. Как ужасно, должно быть, когда люди постоянно относятся к тебе совершенно серьёзно. И так грустно, когда никто с тобой не потанцует».

Так что, особо не задумываясь, она начала танцевать.

Приподняв юбки, Корделия пошла по кругу, насвистывая матросскую песенку, которой научил её отец. Она подпрыгнула, вскинула руки над головой и пошевелила пальцами.

Короля это заворожило. Он таращился на танцующую девочку с полными изумления глазами. Его Величество медленно соскользнул вниз по шторе, а тётушка Ариадна знаками велела всем отойти в сторонку.

Король медленно двинулся к Корделии, присоединяясь к её танцу.

Она постучала носком по полу; он постучал носком по полу.

Она покружилась; он покружился.

Она встала на цыпочки и помахала руками по сторонам – и он сделал так же, и…

– Вот так! – выдохнула тётушка Ариадна, водружая шляпу на королевскую голову.

Король изменился.

Корделия стояла практически нос к носу с ним, когда это произошло: магия Шляпы Концентрации подействовала.

Глава 6

Оголтелое выражение быстро испарилось с королевского лица. Корделия с удивлением увидела, как глаза короля постепенно наполняются безутешной тоской.

– Ох, – очень тихо сказала она.

– Да, – ответил король. Он вздохнул вздохом здравомыслящего, печального человека.

– Почему? – прошептала Корделия.

– Я расскажу вам, – отозвался король. – Но сначала я должен снять туфли!

Он принялся подпрыгивать вверх-вниз на одной ноге, пытаясь стянуть крепко застёгнутую туфлю.

– О боже, – простонал лорд Витлуф.

– Шляпа не подействовала, – заявил доктор Пиявкс, выступая вперёд.

– Нет! Она работает! – возразила Корделия.

Доктор не обратил на неё внимания. Он взял короля за запястья, но король сопротивлялся, всё пытаясь дотянуться до туфель.

– Может, мы хотя бы попытаемся облачить его во всю одежду сразу? – предложила тётушка Ариадна, подбирая Перчатку Железноручия.

– Попытаться стоит, – согласился лорд Витлуф, а Корделия принесла синий Башмак Размышлений. – Мы должны сделать всё, что в наших силах.

Тем временем между доктором и королём произошла потасовка, и прекрасная зелёно-серебряная шляпа слетела с монаршей головы и оказалась затоптана. Паучий шёлк обвился вокруг ступни короля, а воздух наполнил аромат раздавленного розмарина.

– Нет! – запричитал дядюшка Тибериус.

– Мы тратим своё время на эту мишуру! – рявкнул доктор, пинком отбрасывая испорченную шляпу в сторону. – Настали времена науки, а не старомодной суеверной чепухи!

– Чепухи! – возмущённо повторил дядюшка Тибериус, но тётушка Ариадна положила ладонь ему на руку, и он умолк.

Доктор сунул палец королю в ухо и объявил:

– Так я и думал. Мозг у него совсем разгорячён. Его нужно отправить к морю. Морской воздух выдует лишний жар.

Лорд Витлуф наморщил лоб.

– Нет ли средства, которое подействовало бы немедленно? – спросил он. – Я не думаю, что королю следует покидать дворец…

Доктор твёрдо покачал головой. Принцесса Георгина всхлипнула, и лорд утешающе коснулся её руки ладонью, говоря:

– Давайте доверимся доктору, Ваше Высочество. Каникулы у моря прояснят ему голову. Скоро он станет как новенький.

Король тем временем высунул язык и издавал неприличные звуки, глядя на доктора Пиявкса.

– Я отведу Его Величество в покои, – объявил доктор. – И соберу его в поездку, пусть отправляется сегодня же вечером.

Доктор вывел короля из зала, терпеливо снося издаваемые монархом грубые звуки. Принцесса Георгина с отчаянием поглядела им вслед.

Дядюшка Тибериус и тётушка Ариадна молчали. Но Корделия не могла удержаться.

– Он лишь хотел снять туфли! – воскликнула она.

– Короля никогда не должны видеть разутым, – серьёзно сказал лорд Витлуф. – Это считается совершенно недостойным монарха.

Он церемонно повернулся к принцессе.

– Ваше Высочество, принцесса Георгина, – произнёс лорд Витлуф, – ваш священный долг как единственной наследницы короля – взять на себя обязанности вашего отца на время его отсутствия.

Принцесса растерянно стояла посреди хаоса, устроенного её отцом.

– Не бойтесь, Ваше Высочество, – продолжил лорд. – Как Лорд Государственный Советник я буду поддерживать вас на каждом этапе пути.

Он низко поклонился, практически коснувшись носом колена. Принцесса благодарно улыбнулась ему.

Корделии внезапно пришла в голову мысль.

– Значит ли это, что теперь Гросс-Адмирал Королевского Флота – это вы, Ваше Высочество?

Принцесса замялась, неуверенно глядя на лорда Витлуфа. Тот кивнул.

– Да, – сказала принцесса. – Полагаю, я.

Корделия почувствовала прилив надежды в груди.

– Не могли бы вы, пожалуйста, отправить на поиски моего отца корабль? – попросила она. – Он пропал в море и найдётся гораздо быстрее, если за ним отправить самый быстрый корабль во флоте…

Не успела принцесса ответить, как лорд Витлуф покачал головой.

– Боюсь, это невозможно, моя дорогая мисс Шляпник, – рассудительно сказал он. – Когда Франция угрожает войной, каждый корабль на счету. Весь флот должен стоять в Английском канале на случай нападения.

– Но… – начала спорить Корделия.

Принцесса Георгина опередила её.

– Уверена, одно судно… – начала она, но лорд Витлуф оборвал её.

– Боюсь, каждое судно на счету! – раздражённо сказал он. – Даже почтовая лодка. Война может разразиться в любой момент, и для защиты наших берегов мы нуждаемся в каждом корабле. Король согласился бы со мной, Ваше Высочество, не будь он сейчас таким глупым.

Принцесса вспыхнула. Корделия проглотила возражения, а лорд Витлуф понимающе улыбнулся ей сверху вниз.

– Даже если ваш дорогой отец неким образом пережил крушение, – сказал он, – сами по себе течения вокруг скал Речного Зева весьма коварны.

Тем вечером, когда Шляпники сели ужинать, отсутствие Просперо застыло вокруг них, как превращающийся в лёд снег.

Тётушка Ариадна молча глядела на скатерть, а дядюшка Тибериус мрачно ворчал что-то насчёт докторов. Пратётушка Петронелла беспокойно перебирала руками. Корделия всё вертелась на месте, чтобы посмотреть в окно. Плечи соседних домов окутывал плотный плащ тумана.

Переночует ли Агата где-нибудь или попытается вернуться с посланием от отца в темноте?

Хоть никому из Шляпников совершенно не хотелось есть, у Кух были иные планы. Каждая приготовленная ей трапеза была настоящей симфонией вкуса.

«Еда – это тоже своего рода магия, как и Шляпотворчество, – прошептала она как-то Корделии, посыпая блюдо перцем. – Еда может вылечить любой недуг».

Кух варила рагу с ароматными травами, чтобы успокоить задетые чувства, пекла медовые торты, чтобы починить разбитые сердца, стряпала пироги с хрустящей корочкой для храбрости и булочки с расплавленным сыром, чтобы подбодрить усталые души. Огуречный суп мог остудить горячий норов, а хлебный пудинг пробуждал доброту даже в самом сварливом человеке. А её запечённая картошка помогала, казалось, от всего.

Сегодня она вынесла на стол огромное блюдо с печёными картофелинами. Их горячий золотистый аромат заставил всех встрепенуться.

– Вот так, – прокудахтала Кух, накладывая понемногу картошки на каждую тарелку. – Начните с этого, а там как пойдёт.

Хитро сочетая искушение и похвалу, Кух убедила каждого Шляпника доесть ужин. Потом она вынесла карамельный пудинг и кувшинчик сливок. Полчаса спустя она отправила Шляпников спать.

– Добрых снов, моя сладкая, – сказала Кух, целуя Корделию в макушку. – Утром всё станет немножко получше.

Корделия сонно улыбнулась Кух, думая: «Я не стану спать! Я буду ждать, когда Агата вернётся домой».

Однако почему-то, стоило ей забраться под одеяла, её конечности стали делаться тяжелее и тяжелее, пока она не погрузилась в глубокий сон.

Когда Корделия проснулась, туман рассеялся, а на небе светило солнце, но от Агаты по-прежнему не было ни слуху ни духу. Хмурясь, девочка наполнила семенами кормушку Поисковых Голубей в Библиотеке.

Птицы ворковали и смотрели на неё, мигая. Вокруг мозга Корделии, словно паутина, начал обвиваться побег сомнения, но она резко вытряхнула его из головы.

– Агата очень скоро вернётся с точными координатами отца, – сказала она, пощекотав бурое крылышко Маргарет. – Он нарисует мне звёздную карту, чтобы я поняла, где он находится. Я лично возглавлю поисковую экспедицию.

– ЛУНОКРО-О-О-О-О-ОЛЬ!

Снаружи внезапно раздался жуткий пронзительный крик. Неловко повозившись с защёлкой окна, Корделия высунула голову на свежий утренний воздух.

Внизу на улице стояла крошечная фигурка. Фигурка была человеческой, но так активно размахивала руками, что казалось, будто это большая коричневая птица. Одета она была в потрёпанную разношёрстную одежду, а на голове

носила великоватую матерчатую кепку. В каждой руке фигурка держала по газете и пихала их в лица прохожим.

– ЛУНОКРО-О-О-О-О-ОЛЬ! – прокричала фигурка, заставляя проходящего мимо джентльмена в синем жилете отскочить, зато какой-то извозчик взял газету и сунул размахивающей фигурке монетку.

– ЛУНО-О-О-О-О…

– ДОБРОЕ УТРО! – крикнула Корделия.

Фигурка подняла взгляд: Корделия увидела чумазое лицо с огромными глазами и ещё более огромной улыбкой. Это оказался мальчик, примерно её возраста. Он потряс газетой и заорал:

– ЛУНОКРО-О-О-О-О…

– Почему, – перебила его Корделия, – ты кричишь так громко в такую рань?

– Газеты продаю! – крикнул в ответ мальчик.

– Нельзя ли делать это немного потише? – поинтересовалась Корделия.

– Коли я буду потише, как я их продам-то? – удивился мальчик. – Надо громко новость орать, чтобы люди газетку купили.

– Из чистого любопытства – какая же новость сегодня? – поинтересовалась Корделия.

– ЛУНОКРО-О-О-О-О-ОЛЬ! – заорал мальчик во всё горло, напугав разом молочника и голубя. Лошади Шляпников тихонько заржали в своих стойлах, ослик вторил им.

Корделия прикрыла уши.

– Что такое «Лунокро-о-о-о-о-оль», если по-простому? – спросила она.

Мальчик кашлянул и сказал:

– Полоумный король.

– Подожди там, пожалуйста, – я спускаюсь! – сказала ему Корделия.

Глава 7

Корделия налила из медного чайника, висящего над кухонным очагом, две чашки медово-молочного чая. Она вынесла дымящиеся чашки на улицу и вручила одну мальчику.

Мальчик с благодарностью принял её и осушил одним глотком.

– Чёрт подери! – сказал он и покосился на полную чашку Корделии, так что девочка отдала ему и её.

– Попробуй пить маленькими глоточками, – предложила она. Но мальчик уже выхлебал весь чай.

– ЛУНОКРО-О-О-О-О-ОЛЬ! – прогремел он, заставляя Корделию поморщиться.

Какая-то леди выхватила у мальчика газету, бросила ему монетку и удалилась, хмурясь. Корделия тоже нахмурилась, взглянув на чёрные напечатанные буквы.

~ЕЖЕДНЕВНАЯ ПОЩЁЧИНА~

БЕСШТАННЫЕ ПРОДЕЛКИ

ЕГО КОРОЛЕВСКОГО БЕЗУМИЯ!

Под заголовком располагалась подборка нелестных заметок о короле.

– Откуда они знают, что он был без штанов? – поинтересовалась Корделия.

– Э! – воскликнул мальчик. – Если те охота читать – плати!

Корделия вспыхнула, но он подмигнул ей, сдвигая кепку повыше на дюйм, чтобы почесать лоб.

– Не стал бы тратить деньжата на твоёшнем месте, – расплывшись в улыбке, сказал он. – Каждый раз, когда взрослый покупает газетку, он тока и делает, что супится. Зачем спускать деньги на то, от чего те паршиво? Я б лучше на ручную канарейку потратил.

– У тебя есть ручная канарейка? – спросила Корделия.

– Не, – ответил мальчик. – Но я коплю.

У Корделии появилось чувство, что она определённо могла бы подружиться с тем, кто хочет завести ручную канарейку. Она протянула мальчику руку.

– Рада встрече с тобой. Я Корделия Шляпник.

– Кор, – сказал мальчик. – Всамделишный Шляпник?

– Корделия, – поправила Корделия. – Но если хочешь, можешь называть меня Кор.

Мальчик потёр грязную ладонь о такую же грязную штанину.

– Сэм Ловкохват, – представился он, с жаром тряся её руку и глядя на неё по-воробьиному яркими карими глазами.

– Приятно познакомиться, Сэм. – Корделия улыбнулась.

– Мисс Шляпник! Вернитесь в дом, пожалуйста!

Это мисс Глаз-да-глаз звала её через кухонную дверь. Мисс Глаз-да-глаз была её гувернанткой. Она всегда носила с собой тонкую трость, которая (как всегда казалось Корделии) делала её похожей на длинноногую цаплю. И смех у неё был под стать: тонкий и пронзительный. Она вела себя в точности так, как полагалось гувернантке: скромно и серьёзно. Но Корделия знала, что она прячет запас конфеток в карманах своих серых, как тучи, платьев.

Когда Корделия впервые встретила мисс Глаз-да-глаз, три года назад, она оглядела свою новую гувернантку с ног да головы и покосилась на её трость.

«А это для чего?» – требовательно спросила Корделия.

Мисс Глаз-да-глаз смерила её долгим взглядом.

«Чтобы указывать на вещи», – наконец ответила она.

«На какие вещи?» – уточнила Корделия.

«Алгебраические уравнения», – последовал ответ.

Корделия пожалела, что спросила. Но потом мисс Глаз-да-глаз сунула руку в карман и вытащила оттуда конфетку в яркой обёртке. Обёртка зашуршала, когда Корделия развернула её, и, жуя тягучую карамель, девочка решила, что у новой гувернантки есть потенциал.

Сегодня трость значительно постукивала по порогу, так что Корделия попрощалась с Сэмом Ловкохватом и побежала с пустыми чашками в дом.

– Не бегай, Корделия! – воскликнула мисс Глаз-да-глаз.

Корделия замедлилась и чинно зашагала вперёд.

– Так-то лучше, – кивнула мисс Глаз-да-глаз. – Помни, мы хотим вести себя как подобает леди.

Гувернантка закрыла за Корделией дверь и не увидела, как воспитанница закатила глаза. Зато когда мисс Глаз-да-глаз заметила ладони Корделии, она ахнула.

– У тебя грязные руки, дитя! Ты никогда не должна жать руки всяким оборванцам! Немедленно умойся. Нам пора на утреннюю прогулку.

Кух протянула Корделии кусок мыла: руки у неё и впрямь оказались чёрными и чумазыми. Но приглядевшись, она рассмеялась.

– Он не оборванец, мисс Глаз-да-глаз! – сказала Корделия. – Он продавец газет, понимаете? У меня на руках всего лишь газетная краска.

Мыло стало чёрным, а вода – и того чернее. Когда руки Корделии сделались достаточно чистыми, даже по меркам гувернантки, она цапнула с кухонного стола два тоста, густо намазав их мёдом. Выйдя из дома, она сунула один Сэму Ловкохвату. Тот прошептал:

– Кор… спасибочки, Кор! – а Корделия с мисс Глаз-да-глаз стали переходить улицу.

К тому времени, как Корделия и мисс Глаз-да-глаз добрались до Гайд-парка (двигаясь неспешным прогулочным шагом, одобренным гувернанткой), тост был доеден, хотя вкус мёда по-прежнему ярко ощущался на губах. Они подошли к озеру Серпентайн – поблёскивающей под солнцем водной ленте среди зелени.

У края воды стоял, держа под мышкой модель корабля, маленький кругленький мальчик с неудачной стрижкой.

– Гусь! – крикнула Корделия, кидаясь к нему.

Он расплылся в улыбке.

– Привет, Корделия!

– Добро утро, мастер Башмачник, – степенно произнесла мисс Глаз-да-глаз.

– Доброе утро, мисс Глаз-да-глаз. – Мальчик отвесил вежливый поклон.

Мисс Глаз-да-глаз оглядела парк, чтобы убедиться, что за ними никто не подглядывает. Шляпник и Башмачник, ведущие беседу, были явлением крайне необычным. На самом деле, между Шляпотворцами и Башмакотворцами не водилось дружбы уже несколько поколений. У мисс Глаз-да-глаз (не говоря уже о детях) были бы серьёзные неприятности, прознай любая из семей о дружбе между Гусем и Корделией. Это восприняли бы примерно с таким же неодобрением, как босоногого короля.

Корделия и Гусь тайно встречались в Гайд-парке по утрам несколько раз в неделю. Мисс Глаз-да-глаз была также гувернанткой Гуся, хотя она благополучно забыла поставить семьи Шляпников и Башмачников в известность о том, что обучает обоих детей. По понедельникам, средам и пятницам мисс Глаз-да-глаз занималась с Корделией в Доме Шляпников. По вторникам, четвергам и субботам она пересекала три улицы, отправляясь в Особняк Башмачников, чтобы наставлять Гуся в арифметике, рисовании и письме. По воскресеньям она ходила в церковь и полировала свои остроконечные ботинки.

Хоть мисс Глаз-да-глаз и заставляла их решать скучные уравнения и расхаживать слишком медленным шагом, и Корделия, и Гусь питали к своей гувернантке нечто вроде скупой привязанности. В конце концов, в карманах у неё всегда было полно карамели. И именно она познакомила их друг с другом, когда по отдельности они были весьма одинокими детьми. Конечно, Корделия обожала свою семью, и Кух, и Джонса, и Поисковых Голубей, и мышей, которые жили за плинтусом в кладовой Дома Шляпников. Но ничто не сравнится с тем, чтобы пошататься по округе с кем-то одного с тобой роста. Ведь тот, кто одного с тобой роста, всегда видит мир так же, как ты.

Но мисс Глаз-да-глаз познакомила Корделию и Гуся три года назад вовсе не из исключительной душевной доброты. На самом деле, была ещё одна причина, по которой дети втайне восхищались своей гувернанткой. Когда Корделия с Гусем встречались в парке, мисс Глаз-да-глаз встречалась в укромном месте со своим другом-джентльменом. Такой порядок устраивал все вовлечённые стороны.

– Что это у тебя тут? – Мисс Глаз-да-глаз скрылась в подлеске, а Корделия указала на Гусев деревянный кораблик.

– Это точная копия «Полированного Башмака», – с сияющими глазами воскликнул Гусь. – Гляди, тут даже мой брат Игнатиус у штурвала стоит!

Гусь приподнял кораблик, чтобы Корделия посмотрела. Паруса размером с носовой платок свисали между палочками мачт, снастями служили тонкие лески. Корпус корабля и поручни были вырезаны со всем мастерством, а у крошечного штурвала стоял выстроганный из дерева капитан.

– Потрясающе! – сказала Корделия.

Гусь засиял от гордости.

– Игнатиус всё плавание его для меня делал, – сказал он. – Подарил мне, когда вернулся.

Корделия помолчала.

– Корабль твоего брата в целости пережил шторм? – спросила она, чувствуя себя так, будто в животе образовался водоворот. – И мимо скал у Речного Зева прошёл?

– Игнатиус сказал, путь был лёгкий, – ответил Гусь. – А мимо скал у Речного Зева их как обычно провёл маяк.

Корделия заморгала. Отчего же маяку не удалось провести мимо скал и «Весёлый Чепчик» с его командой? Этот отрезок морского пути все лондонские моряки хорошо знали. Отец как-то сказал ей: «Когда путь носовой фигуре освещает яркий луч маяка, корабль скользит по воде как по маслу». Капитан Шляпник сотню раз проводил корабль между зубчатых скал, ориентируясь на свет маяка.

Корделия нахмурилась. Гусь перестал возиться со своей моделью и спросил:

– Почему ты спрашиваешь?

Корделия хотела, чтобы ужасные слова сделались маленькими, но как бы она ни крутила их в голове, они всё равно казались огромными.

– Мой отец пропал в море, – выпалила она. – «Весёлый Чепчик» разбился о скалы у Речного Зева.

Гусь как-то поник.

– Корделия, – выдохнул он, – мне так жа…

– Он не умер, – громко заявила Корделия. – Он просто пропал. Он очень скоро найдётся.

Гусь молча кивнул.

– Он держится на воде? – спросила Корделия, указывая на кораблик. Она хотела, чтобы друг перестал смотреть на неё с жалостью.

В ответ Гусь встал на колени и осторожно опустил миниатюрный галеон на воду. Тот весело заплясал на набегающих волнах. Гусь повозился со снастями и аккуратно покрутил штурвал.

– Думаю, если ветер будет дуть ему в паруса, а мы немного его подтолкнём – ДА!

Ветер наполнил крошечные белые паруса, и кораблик заскользил к центру озера. Корделия захлопала в ладоши и издала радостный возглас, в Гусь заплясал на месте, вскинув руки вверх.

– Только посмотри на него!

– Как настоящий корабль в океане!

«Полированный Башмак» уже добрался до середины Серпентайна. Какая-то парочка на лодке остановилась, пропуская его. Корделия и Гусь смотрели, как кораблик становится всё меньше и меньше.

Вдруг Корделии кое-что пришло в голову, и она сказала:

– Гусь…

– Да?

– Как твой корабль вернётся назад?

У Гуся сделался такой вид, будто он проглотил лимон.

Они припустили вокруг озера – ленточки на шляпке Корделии развевались на ветру, башмаки Гуся топали по земле. Корделия надеялась, что поблизости не окажется мисс Глаз-да-глаз, так что она не увидит, как её воспитанница бежит совсем не как подобает леди.

Но стоило им обогнуть озеро, как у них появилась проблема посерьёзнее недовольной гувернантки.

Корделия резко остановилась, а секундой позднее в неё врезался Гусь. Дорогу им преграждали четверо детей: пара идентичных близнецов-мальчиков и пара идентичных близнецов-девочек. Они глядели на Корделию и Гуся сверху вниз с идентичными недобрыми ухмылками.

Дети Перчаткотворцев.

Глава 8

– Кто это тут у нас? – ехидно произнёс один из мальчишек-Перчаткотворцев. – Шляпник на пару с Башмачником?

Корделия с вызовом вскинула подбородок (к тому же только так у неё получилось посмотреть Перчаткотворцу в глаза, потому что он был выше неё на голову).

– Не ваше дело! – заявила она, надеясь, что её голос звучит свирепее, чем она себя чувствует.

Гусь у неё за спиной заскулил. Перчаткотворцы фыркнули. Одна из девчонок похрустела костяшками пальцев в бархатных перчатках.

– Ты разве не должна отрубленные головы для шляп собирать, Шляпник? – глумливо поинтересовалась она.

– И кишки для башмаков, Башмачник? – с ликованием подхватила её близняшка.

– О чём это вы? – спросила Корделия.

– Папенька говорит, что вы, Шляпники, формуете свои шляпы на головах преступников, – ответил один из мальчишек.

– Он говорит, что вы поджидаете у Лондонского Тауэра, когда головы изменников упадут с пик, – продолжил его близнец. – Потом кладёте их в сумку и несёте домой.

– Это неправда! – крикнула Корделия.

Она закрутилась на месте, пытаясь держать в поле зрения всех четверых Перчаткотворцев одновременно. От Гуся помощи было не дождаться. Он так сильно трясся, что Корделия слышала, как стучат его зубы.

– Башмачнику не хватит храбрости свои собственные шнурки завязать, не то что вытаскивать кишки из мертвецов, чтобы новые сделать, – поддела его одна из девчонок.

– Что случилось, Башмачник? – фыркнул один из мальчишек. – Шляпник тебе язык отрезала?

Его сёстры захихикали.

– Она его на шляпу пришьёт! – взвизгнула одна.

– Фу!

– Языкатая Шляпа!

Все четверо Перчаткотворцев высунули языки и устрашающе зашевелили ими.

– Языкатая Шляпа! Языкатая Шляпа!

Гусь запаниковал и попытался протиснуться мимо ближайшего Перчаткотворца, но тот оттолкнул его обратно в центр круга.

– Боишься, что кто-нибудь запачкает твои блестящие башмачки? – с издёвкой поинтересовался он, а потом со всей силы наступил Гусю на ногу. Гусь взвыл и схватился за ступню.

– ЭЙ! – Корделия резко развернулась, когда одна из девчонок ударила по её шляпке, сбивая её с головы. Вторая потопталась по ней.

Под хохот Перчаткотворцев Корделия подняла испорченную шляпку с земли. Она собрала всю свою злость, отвращение, страх и ярость и направила их в свой голос.

– Ну а я слышала, – начала она, нащупывая руку Гуся и крепко сжимая её, – что Перчаткотворцы однажды сотворили для королевы Елизаветы пару перчаток… КОТОРЫЕ ЗАСТАВИЛИ ЕЁ ПОЛЧАСА НЕПРЕРЫВНО ХЛЕСТАТЬ СЕБЯ ПО ЩЕКАМ ПРЯМО ПЕРЕД КОРОЛЁМ ИСПАНИИ!

Лица Перчаткотворцев вытянулись от удивления.

– БЕЖИМ, ГУСЬ!

Корделия воспользовалась моментом замешательства. Она проскользнула мимо сестёр-Перчаткотворцев, волоча Гуся за собой. Шляпник с Башмачником неслись по тропе, не разжимая рук, а за их спинами орали Перчаткотворцы.

Корделия бегала быстро, а Гуся подгонял страх. Они помчались вдоль озера. Но Перчаткотворцы гнались за ними следом.

– Гусь, нам надо спрятаться!

– Где? – простонал Гусь.

Корделия резко свернула с тропы, таща его за собой, прямо в середину огромной стаи уток, устроившихся на земле. Птицы с недовольным кряканьем поднялись в воздух и влетели прямо в компанию степенных леди, неторопливо шествовавших вдоль озера.

– Идеально!

Корделия проволокла Гуся сквозь хаос размахивающих крыльями уток и размахивающих руками и зонтиками леди. Вдвоём они нырнули под зелёную занавесь ветвей плакучей ивы, склонившейся над водой. Листья сомкнулись за их спинами, полностью скрывая от чужих глаз.

Гусь, раскрасневшийся и трясущийся, упал на колени, тяжело дыша. Корделия опустилась на древесный корень, торчащий из воды. Она приложила палец к губам, предупреждая Гуся, чтобы он молчал, но ей не было нужды беспокоиться: друг выглядел так, будто, возможно, больше никогда и не заговорит.

Они услышали, как леди завизжали, когда мимо них пронеслись Перчаткотворцы.

– Где они?

– Мы их упустили!

К безграничному облегчению Корделии, Перчаткотворцы промчались дальше по тропе. Она проделала дырочку в занавеси листьев и понаблюдала, как близнецы скрываются из вида за камышами.

– Они ушли, – сказала она, выдыхая.

Гусь таращился на модельку корабля, которая мягко тыкалась ему в колено, покачиваясь на мелководье.

– Нашёл, – пробормотал он.

Корделия расплылась в улыбке.

– Нет худа без добра!

Гусь слабо улыбнулся в ответ.

– Думаешь, они расскажут кому-то, что мы дружим? – выдавил он.

Корделия прикусила губу.

– Если и расскажут, то только своим родителям. А Шляпники всё равно много лет не разговаривали с Перчаткотворцами, – рассудила она.

– Башмачники тоже.

– Думаю, наш секрет в безопасности, – заключила Корделия.

– Но надо быть осторожнее, – добавил Гусь.

Они решили ещё некоторое время посидеть в укрытии, чтобы убедиться, что Перчаткотворцы точно не вернутся. Пока Корделия считала раздающиеся в отдалении удары колокола церкви Святого Осписа, отбивающего четверть часа, до них донёсся плеск вёсел по воде и разрезавший воздух голос мисс Глаз-да-глаз – ясный и очень близкий.

– Да, Витстабл, но когда?

– Я не знаю, Далила, – последовал несколько угрюмый ответ. – Нужно много всего спланировать, отсюда и проволочка.

Мимо проплывала на лодке мисс Глаз-да-глаз, а на вёслах сидел её таинственный друг-джентльмен.

– Я устала ждать, – со вздохом сказала мисс Глаз-да-глаз. – Я ждала целые годы.

Корделия и Гусь уставились друг на дружку в ужасе, став невольными слушателями личной беседы между своей гувернанткой и её возлюбленным. Корделии захотелось сунуть пальцы в уши и громко запеть, но она решила, что от этого лучше не станет.

– Что ж, я готова, даже если ты не готов, – донеслось до них, прежде чем голос мисс Глаз-да-глаз заглушил шорох волн, целующих берег.

У Гуся порозовело лицо, а у Корделии вспыхнули уши.

– Бедная мисс Глаз-да-глаз, – прошептала Корделия.

– Матушка говорит, она, видно, много лет ждала предложения, – добавил Гусь.

Корделия решила быть особенно прилежной на сегодняшних занятиях, чтобы не расстраивать мисс Глаз-да-глаз после её неудачного свидания ещё сильнее.

– Что такое «проволочка»? – спросил Гусь, вытаскивая свой кораблик из воды.

Корделия пожала плечами.

– Лучше не спрашивай мисс Глаз-да-глаз, – посоветовала она. – Но, думаю, мы уже можем спокойно выходить.

Остаток дня мисс Глаз-да-глаз была довольно подавленной. Когда они вернулись в Дом Шляпников, она задала Корделии пятьдесят алгебраических задачек и уселась есть свои конфетки и напевать грустную песенку, пока Корделия трудилась. Когда Корделия закончила с алгеброй, мисс Глаз-да-глаз не стала даже проверять решение. Вместо этого она велела воспитаннице расхаживать по коридору возле Библиотеки с книгой на голове.

– Но мисс Глаз-да-глаз, – сказала Корделия, в пятый раз проходя мимо Библиотеки, – разве эта книга не принесла бы мне больше пользы, если бы я её читала? А не ходила с ней на голове?

– К сожалению, Корделия, – мисс Глаз-да-глаз всхлипнула, печально постукивая себя тростью по ноге, – считается, что леди, которая не умеет изящно двигаться, не достойна того, чтобы к ней прислушивались.

Корделии показалось, что это явно неправда, но она не хотела спорить с гувернанткой, когда та находилась в таком дурном расположении духа. Она вручила мисс Глаз-да-глаз свой платочек, чтобы та утёрла глаза, и изо всех сил постаралась двигаться по коридору как можно изящнее. Книга не единожды упала с её головы.

Корделия была очень рада, когда рабочее время мисс Глаз-да-глаз подошло к концу. На самом деле, Корделия всегда радовалась, когда занятия заканчивались, потому что это означало, что она могла приступить к урокам Шляпотворчества.

Невозможно описать, что происходит на обычном уроке Шляпотворчества, потому что каждый урок совершенно отличается от остальных.

Однажды дядюшка Тибериус велел Корделии пропускать по-разному свитые нити между пальцев и думать о слове, описывающем ощущение от каждой из нитей.

«Нить скрепляет творение, – сказал ей дядя, – как мелодия песни скрепляет ноты».

В другой раз пратётушка Петронелла разожгла камин в своём Алхимическом Кабинете и стала бросать в пламя разные порошки, листочки и веточки, чтобы показать Корделии, как они горят – от золотого к изумрудно-зелёному, к кирпично-красному, к небесно-голубому и к королевско-пурпурному.

Тётушка Ариадна давала ей непонятные и запутанные наставления по арифметике, измеряя углы между разными частями её головы парой компасов, а затем рисуя гипотенузы и колючие треугольники мелом на доске.

Отец показывал ей, как уважительно кланяться перед тем, как сорвать цветок, как польстить павлину, чтобы он сбросил пушистое хвостовое перо, и брал её искать кусочки лунного луча на крышах района Мейфэйр.

«Когда собираешь ингредиенты, Дилли, никогда не бери больше, чем нужно, – говорил ей отец. – И всегда будь вежливой».

Все её уроки Шляпотворчества были увлекательны. Но самым любимым уроком Корделии был один из отцовских – он преподал его в прошлом году, вернувшись из продолжительного плавания в поисках ингредиентов.

Он подхватил её и на закорках понёс через весь Лондон к шумной пристани, где был пришвартован «Весёлый Чепчик». Матросы скакали по снастям, как обезьяны, свистя друг другу что-то особым шифром и распевая песни. Корабль нагружали свежими припасами для нового плавания. Просперо опустил Корделию на палубу и сказал:

– А теперь, моя девочка, запомни главное правило при поиске ингредиентов: сохраняй свободу в голове и магию на кончиках пальцев.

Потом он сунул руку в карман и вытащил оттуда семь Сицилийских Прыгучих Бобов.

– Поймай эти бобы, Корделия, используя свои голову и магию! – и Просперо подкинул бобы в воздух.

Можно подумать, что поймать горстку бобов – плёвое дело, но Прыгучие Бобы не желали быть пойманными. Они заскакали по палубе, спрятались за бочками и нырнули в матросские гамаки. Корделия погналась за ними, но они ушмыгнули от неё.

Проведя двадцать минут, хватая Прыгучие Бобы и не поймав ни одного, Корделия лежала, запыхавшись, на юте. Просперо наблюдал за ней из «вороньего гнезда» на верхушке мачты.

– Используй свои голову и магию, Корделия, – крикнул он ей сверху.

Один из Прыгучих Бобов прохлаждался у штурвала – там, где она не могла до него дотянуться. Несколько матросов висели на снастях, делая ставки, кто победит – Корделия или боб.

Корделия подумала, каково это – быть Прыгучим Бобом: хвастливым, любопытным и чуточку шаловливым. Она приоткрыла рот и закрыла глаза, а потом притворилась, что тихонько посапывает.

Боб подпрыгнул поближе. Не открывая глаз, Корделия издала особо заманчивый всхрап. Боб скакнул в её открытый рот, и она плотно стиснула губы.

Корделия выплюнула извивающийся боб в ладонь, и матросы разразились восторженными криками. Потом она торжествующе подскочила в воздух, отчего оставшиеся бобы охватил дух соперничества. Все свободные Прыгучие Бобы стали пытаться подпрыгнуть выше, чем Корделия. Она проскакала по палубе и сиганула в пустой гамак. Все бобы последовали за ней, взмывая в воздух так высоко, как только могли. Они кинулись в гамак, а Корделия выкатилась из него, закручивая полотно вокруг бобов и ловя их все разом. Она слышала, как они недовольно бьются о ткань, пытаясь выбраться на свободу.

Просперо спустился по мачте, его лицо озаряла широкая улыбка.

– Вот молодчина! – воскликнул он. – Когда мой отец выпустил мне Прыгучие Бобы, я ловил их в два раза дольше, чем ты!

Корделия засияла от гордости.

– Вот видишь, крошка Шляпник, – сказал Просперо, ссыпая Прыгучие Бобы в ладонь, а оттуда – в стеклянную баночку. – Ты использовала свои голову и магию.

– Но какая у меня магия? – спросила Корделия.

– У каждого своя уникальная магия, крошка Шляпник, – объяснил Просперо, вручая ей баночку с бобами. – Но ты сама должна это понять. Тебе нужно отправиться в приключение по своему собственному сердцу, и голове, и животу, чтобы выяснить, из чего же сотворена твоя особая магия.

Просперо отвёл Корделию в свою капитанскую каюту. Там бурлила жизнь: в бочках росли экзотические растения, вокруг них порхали прекрасные бабочки. На телескопе сидел, вереща, попугайчик, на окне звякали Распевающие Ракушки. Рядом с точными медными приспособлениями, необходимыми для навигации по морю, на столе лежали распахнутые книги на неизвестных языках, а на полу были развёрнуты карты.

В глаза Корделии бросился деревянный ящичек с закупоренными воском бутылочками.

– Что здесь, отец?

– А! Это особые чернила! – Он взял одну из бутылочек из ящичка и показал ей. – Одни невидимые, но делаются видимыми, если их нагреть над пламенем свечи. Другие можно увидеть лишь при свете звёзд. Третьи проявляются только по вторникам. Всеми ими очень хорошо писать тайные послания.

Корделия почувствовала, что баночка с бобами у неё в кармане дрожит. Она вынула её и посмотрела на скачущие внутри бобы.

– Как они работают? – спросила она.

– Магия, Дилли. Магия таится в природе. Магия живёт в ветре, в реках, в земле, в солнечном свете. Она в цветах, и деревьях, и камнях, и она скрывается во всех живых существах. Но большинство людей забыли о ней – и даже хуже, чем забыли – они считают её старомодной.

– Но как они могли забыть?

Просперо сел на пол и притянул Корделию к себе.

– Некоторых людей этому никогда не учат, – сказал он. – А некоторые люди проводят всю жизнь, изо всех сил пытаясь быть здравомыслящими.

Корделия потрясла головой.

– Никогда не видела особого смысла в здравомыслии, – призналась она.

Просперо рассмеялся и потрепал Корделию по волосам.

– То, что когда-то называлось Веком Магии, люди, которые думают, будто им виднее, теперь зовут Тёмными Веками, – продолжил он. – А сейчас, когда производится всё больше и больше станков, и всё больше и больше детей отправляют работать на жуткие фабрики, они называют это Эпохой Просвещения.

– Почему они это так называют?

– Думаю, чтобы убедить себя, что так всё становится лучше, – ответил Просперо.

Корделия нахмурилась.

– Но ничего не становится лучше, – сказала она. – Как что-то станет лучше, если люди забывают про магию?

– Наши шляпы помогают, – ответил ей отец. – Они связывают людей с магией, прячущейся в сокровищах, которые я собираю. Они связывают людей с их собственной внутренней магией, даже если они о ней и не подозревают.

– Неужели в некоторых людях совсем исчезла магия? – прошептала Корделия.

– Она никогда до конца не исчезает, – заверил её Просперо. – Забытая магия подобна цветку зимой. Она прячется глубоко внутри человека, и тех, кто решил,

будто она полностью исчезла, можно простить. Но она не исчезла – её просто нужно заново пробудить.

– Откуда ты всё это знаешь? – выдохнула Корделия. – Ты что, всегда это знал?

Отец улыбнулся и покачал головой.

– Я много лет изучал алхимию по книгам, пока одним прекрасным утром, когда снаружи лился плотный и золотой солнечный свет, не разглядел, как в воздухе парит пыль из лаборатории. Тогда я понял, что ищу ответы в неправильном месте. Видишь ли, алхимики проводят эксперименты, чтобы превратить землю в чистое золото. Но я осознал, что это невозможно, по крайней мере не так, как описывают книги. Истинный алхимик должен превращать в золото свою душу. А для этого нужно участвовать в другом эксперименте – великом эксперименте жизни.

Так что тем прекрасным утром я вышел из своей лаборатории на золотой солнечный свет и немедленно почувствовал себя богаче любого короля. Я знал, что принадлежу природе, а природа принадлежит мне. Я увидел в траве одну-единственную маргаритку и в тот же миг понял, что в одном цветке больше магии, чем во всех рукотворных богатствах королевского дворца. Так начались мои приключения – я открывал свободную магию в мире и в самом себе.

У Корделии загорелись глаза.

– И ты рисовал карты всех мест, где побывал? – спросила она, оглядывая замысловатые карты, распростёртые по полу каюты. – Так что я тоже когда-нибудь смогу туда отправиться?

Просперо улыбнулся.

– Некоторые из карт изображают места, а некоторые – дорогу к ним. Некоторые из них – карты городов, или государств, или умонастроений. А некоторые – это лишь части карт.

– Части карт?

– Да. Что угодно может быть частью карты. Вот эти семь веснушек у тебя на носу, к примеру, – сказал он, нежно касаясь кончиком пальца каждой веснушки, – могли бы быть частью карты.

Корделия глядела в зеркало, предаваясь воспоминаниям. Она провела по семи веснушкам, словно образовывавшим на её носу и щеках созвездие, легонько касаясь каждой кончиком пальца, как делал в тот день на корабле её отец.

– Корделия!

Её звала тётушка. Пришло время сегодняшнего урока Шляпотворчества.

Однако когда Корделия явилась в Шляпотворческую Мастерскую, то обнаружила, что тётушка Ариадна надевает свой Чепчик Мудрости. Дядюшка Тибериус уже водрузил на голову Цилиндр Логики.

– Сегодня урок Шляпотворчества отменяется, Корделия, – сказала тётушка. – Принцесса срочно призвала нас во дворец. Нужно, чтобы ты присмотрела за магазином, пока нас нет!

Глава 9

Сияющие витрины магазина Шляпников выходили на Уимпоул-стрит.

В них были выставлены всевозможные шляпы. Сегодня там красовались небесно-голубой чепчик с пером Лунокрыла, ярко-красный берет, усыпанный крылышками Любвежука, глянцевый фиолетовый цилиндр с полями, покрытыми

Сребростеклом, и жёлтый шёлковый тюрбан с цветком Сатурнова Кактуса, пришитым к полотну.

Полки магазины заполняли шляпы всех цветов и фасонов. Стояли здесь и широкий деревянный прилавок, и стеклянный ящик, хранящий шляпы с наиболее могущественными магическими ингредиентами. За прилавком находился люк шляпоподъёмника. Подъёмник приводился в действие с помощью особого механизма, доставлявшего шляпы из Шляповзвешивательной Комнаты прямо в магазин.

Корделия натёрла поблёскивающее на стене зеркало, чтобы покупатели лучше видели эффект, который производила примеряемая шляпа. К стене был прикручен Измеритель Впечатления: медная линейка со словами вроде «Благородно», «Красиво», «Превосходно» и «Величественно» и маленькой стрелочкой, двигавшейся вверх-вниз, измеряя эффектность шляпы.

Корделия устроилась за прилавком, вставая на табуретку, чтобы выглядеть выше и значительнее. Её ещё никогда не оставляли в магазине за главную.

Она порепетировала, как будет приветствовать посетителей любезным голосом:

– Добрый день, мадам… Добрый день, сэр.

Над входной дверью звякнул медный колокольчик, и в магазин вошёл молодой человек.

– Мне нужна шляпа, моя добрая леди, чтобы победить на дуэли!

Корделия удивилась. Во-первых, её никогда раньше не называли «леди»; а во-вторых, у молодого человека с собой была пара дуэльных пистолетов. Он грохнул ящик на прилавок, заставляя Корделию вздрогнуть.

– Эм… Д-добрый день, сэр, – выдавила она.

– Мой противник хороший стрелок, но я должен быть ещё лучше! – объявил молодой человек.

На самом деле он был не старше мальчишки. Корделия скептически взглянула на его усы, больше напоминавшие пушок на персике, чем пышную поросль на лице бывалого дуэлянта.

– Могу ли я узнать, какая у вас с вашим противником вышла ссора? – спросила Корделия. – Просто чтобы подобрать вам самую свирепую шляпу для такого дела.

– Он оскорбил мою возлюбленную леди! – вскричал юноша, и щёки его порозовели от злости. – Я требую сатисфакции!

Корделия кивнула. «Помни девиз Шляпников, Корделия, – предупредил её раздавшийся в голове голос тёти. – Noli nocere: не навреди».

Чувствуя следящий за каждым её шагом пылкий взгляд юноши, Корделия спрыгнула с табуретки, выбрала для него одну шляпу и принесла на прилавок.

– Что она делает? – жадно спросил юноша.

Корделия подняла шляпу – ярко-красный берет. Всю его поверхность усыпали блестящие крылышки Любвежуков.

– Эта шляпа делает своего владельца свирепее. Эти маленькие розовые… чешуйки… это чешуйки Китайского дракона, – соврала Корделия, указывая на крылышки Любвежуков. (На самом деле Любвежуки были весьма покладистыми маленькими насекомыми, жившими среди лепестков сладких Болгарских роз.)

– А почему они розовые?

– Потому что они от маленького дракона. Когда они полностью вырастают, то становятся красными, эти драконы, но пока они маленькие, чешуйки у них розовые, – выкрутилась Корделия.

– Маленький дракон? – недовольно переспросил юноша. – Почему это маленький дракон опасен?

– Потому что они ещё не могут контролировать своё огненное дыхание, – объяснила Корделия. – И от этого становятся куда опаснее. Икнет один раз – и вы уже горите.

Юношу это, казалось, устроило. Он вытряхнул из бархатного кошелёчка серебряные и золотые монеты, а Корделия обернула его шляпу мягкой бумагой и уложила в шляпную коробку.

– Только надевать её нужно прямо перед дуэлью, – предупредила она. – Иначе начнёте ходить по Лондону, бесчинствовать и драться с людьми направо и налево, а я не хочу, чтобы это было на моей совести.

Юноша кивнул, схватил шляпную коробку и свои дуэльные пистолеты и вылетел из магазина. Медный колокольчик звякнул за его спиной.

Следом за юношей пришла пожилая леди, желавшая чепчик, который сделал бы так, чтобы она выглядела моложе. Затем – юная леди, желавшая думательную шляпку, которая сделала бы так, чтобы она казалась мудрее. Когда Корделия помогала одному грузному джентльмену с каштанового цвета двууголкой, в магазин ворвался ещё один молодой человек.

– Лавочница! – рявкнул он Корделии. – Мне нужна шляпа, и безотлагательно.

Корделия не была уверена, что означает «безотлагательно», но парнишка расхаживал из стороны в сторону и пребывал в весьма взбудораженном состоянии.

– Прошу извинить меня, сэр, – обратилась Корделия к грузному джентльмену, который проверял двууголку на Измерителе Впечатлений. Измеритель сообщал: «Совершенно удалой вид!».

– Мне нужна такая шляпа, которая помогла бы мне победить на дуэли! – сказал взволнованный парнишка, изображая, что целится из пистолета в своё отражение.

Корделия изо всех сил постаралась, чтобы её брови остались на обычном месте.

– И могу ли я узнать причину ссоры с…

– Он оскорбился из-за прозвища, которое я придумал для его возлюбленной леди! – перебил он. – Только из-за того, что я сказал, будто у неё голос как у простуженной горной козы, и решил называть её Хриплоголосой Козой.

Теперь Корделия старалась, чтобы рот не расплылся в улыбке. Ей захотелось рассмеяться. Она медленно кивнула, давая себе время напустить на лицо полное достоинства выражение.

– Значит, вам понадобится шляпа, чтобы сохранять холодную голову и ледяное сердце, – авторитетно сказала она.

– Именно это мне и нужно!

Корделия схватила с полки бледную кепку с серебряной лентой и пером Обычного Белого Голубя. Кепку дополнял кристалл с Мирной Горы.

– Эта шляпа добавит вам холодной решительности и душевной стали, – объявила Корделия. – Эта лента свита из Стальносердных нитей, а перо отобрано у Маньяка Хохлатого.

– Что такое Маньяк Хохлатый? – с круглыми глазами спросил парнишка.

– Самая безжалостная птица в мире, – ответила Корделия. – А этот кристалл был украден из гробницы Злонамеренного Принца.

Она знала, что врать нехорошо, но, всё взвесив, решила, что лучше она напридумывает всякого, чем двое молодых людей станут палить друг в друга из пистолетов.

– Вы должны надеть шляпу, только когда увидите своего противника, – велела она. – Иначе у вас сделается такое холодное сердце, что вы подхватите пневмонию.

Парнишка кивнул, бросил на прилавок пригоршню монет, схватил шляпу и выбежал из магазина.

Корделия опустилась на табурет. Конечно, ничего волнительнее предотвращения дуэли с ней уже не случится?

Она ошибалась.

Глава 10

В трепещущем на ветру плаще и с развевающимися пышными волосами в магазин в облаке мускусного парфюма вихрем ворвался мужчина. Он со стенаниями бросился на ковёр, и Корделия испуганно подпрыгнула.

– Быть… иль не быть![1 - Здесь и далее посетитель цитирует пьесу «Гамлет» У. Шекспира (пер. Б.Л. Пастернака).]

– Вы в порядке, сэр? – спросила Корделия, боясь, что катающегося по полу человека терзает боль.

– Увы! Бедный Йорик! Я знал его, Горацио, – прорыдал он в ковёр.

– Я могу вам чем-то помочь, сэр? Или вам нужно что-то для Горацио?

Мужчина повернулся и уставился на Корделию.

– СТУПАЙ В МОНАСТЫРЬ! – проревел он ей, вскакивая на ноги.

– ЗАЧЕМ МНЕ ТУДА? – проревела она в ответ, так шокированная его поведением, что оказалась не в силах не закричать.

Потом мужчина отвёл волосы с лица, драматично опёрся на прилавок и прошептал:

– Мисс Шляпник, мне нужна ваша помощь! Сегодня я играю Гамлета в Друри-Лейн, а у меня пробудилась ужасная боязнь сцены!

Теперь Корделия поняла: этот мужчина – актёр. Он просто не мог удержаться от такого нелепого поведения, вот и катался по полу и стискивал себя руками. Для актёров это обычное дело! На лице у мужчины было написано полное отчаяние, а нижняя губа тряслась, так что Корделия ободряюще улыбнулась в ответ.

– Помогите мне, мисс Шляпник! – прохрипел он, падая на колени. – Сегодняшний спектакль посетит принцесса Георгина, и я боюсь, что выставлю себя на посмешище!

– Принцесса Георгина? – переспросила Корделия.

– Да! Эта нимфа редкостной красоты и добродетели! – завёл актёр. – Прелестная дева совершенного бесподобия…

Он продолжил восхвалять принцессу, но Корделия не особо вслушивалась.

«Если я смогу попасть в театр и увидеться с принцессой, – думала она, – я могла бы убедить её одолжить мне какую-нибудь лодку, чтобы отправиться спасать отца. Во дворце она уже собиралась согласиться, но этот лорд ей помешал. Уверена, если я объясню ей всё как следует, она немедленно одолжит мне лодку. Я смогу отплыть с вечерним приливом!»

– Не говоря уже, конечно, о том, что она безмерно богата, – закончил актёр.

Корделия улыбнулась.

– Если я подберу вам идеальную шляпу, сделаете ли вы мне одно очень важное одолжение? – спросила Корделия.

– Говорите же, о Творительница Шляп! – воскликнул он.

– Вы дадите мне билет на ваш сегодняшний спектакль?

– Несомненно, прекрасная Шляпница! – объявил актёр, но затем лицо его перекосилось. – Сегодня! Слишком скоро! Я страшусь сцены!

Корделия погладила его по голове.

– Не волнуйтесь, сэр. Я найду вам лучшую шляпу, которая у нас только есть.

Она оглядела полки с сотнями шляп всех цветов и фасонов.

– Как насчёт этого прелестного Берета Уверенности? – предложила она. – Очень впечатляющего оттенка фиолетового?

Но актёр нетерпеливо отмахнулся от него.

– Нет, нет, нет! Мне нужна шляпа такая же самобытная, как я сам! Она должна быть сотворена для моей головы и только для неё!

Корделия задумалась. Может, у неё и была уже тысяча уроков Шляпотворчества, но, конечно, ей строго запрещалось творить шляпы самой.

Она пожевала губу. Актёр выжидательно смотрел на неё.

– Слушайте, – сказала Корделия, – если я стану творить вам шляпу с нуля, мне придётся формовать её и сшивать, а на это уйдёт самое меньшее два дня.

– Но шляпа нужна мне прямо сейчас! – Актёр побледнел. – Спектакль сегодня вечером!

– Тогда позвольте мне выбрать для вас одну из этих шляп, сэр. Я уверена, что смогу найти вам изумительную шляпу, как раз ту, что развеет вашу боязнь сцены.

Она обвела жестом магазин – сотни прекрасных шляп, ожидающих своего человека.

– Хорошо, – кротко согласился актёр. – Но… может, мы могли бы добавить на неё лишнее пёрышко или что-нибудь в этом роде? Если на ней будет недостаточно украшений.

Корделия кивнула.

– Очень хорошо! Именно так мы и поступим!

Она взобралась на приставную лестницу и принялась снимать с полок шляпы. Корделия передавала актёру треуголки и двууголки, фетровые цилиндры и соломенные шляпки клош, груды чепчиков, бархатных тюрбанов и льняных ночных колпаков и даже сверкающий шлем. После того, как актёр примерил и отверг примерно пятьдесят шляп, он наконец остановился на треуголке завораживающего бирюзового оттенка.

– Прекрасный выбор, сэр, – поздравила его Корделия, спускаясь с лестницы. Дядюшка Тибериус всегда учил её: нужно говорить покупателям, что они делают мудрый и толковый выбор.

Она прочитала, что написано на приколотой внутри шляпы этикетке.

– Это шляпа отделана Трелелентой и украшена Сладкоголосым Сапфиром, – сказала Корделия актёру. – И у неё есть эти… – Она указала на три пузатые медные пуговицы на каждом углу треуголки.

– Да! – восторженно отозвался актёр. – Пуговицы златые.

Корделия не стала говорить ему, что они называются Хвастливыми Пуговицами.

Ей казалось, что шляпа и без того уже щедро украшена, но мужчина оглушительно хлопнул в ладоши и вскричал:

– Перо, о серафим! Мне необходимо перо!

Перед мысленным взором Корделии всплыло лицо тётушки Ариадны. «Тебе запрещено шляпотворить, Корделия. И точка».

Но на кону стояло нечто куда важнее, чем нарушение тётушкиных правил.

«И она будет очень счастлива, когда я верну отца домой», – подумала Корделия.

Так что бросилась наверх и набрала в Шляпотворческой Мастерской целый ворох экзотических перьев. Корделия раскинула их перед актёром, и тот проворно выбрал самое блестящее из пучка.

– Перо из хвоста Вороны-Выскочки, – сообщила ему Корделия. Потом она задумалась на мгновение. – А знаете, что сюда прекрасно подойдёт…

– Побольше перьев? – предположил актёр.

– Нет…

Она бросилась по винтовой лестнице вверх, в оранжерею. Её стены обвивали сочные завитки лоз, а тёплый влажный воздух сладко благоухал. Распустилась новая Велеречивая Лилия, роняя с золотистых тычинок ароматную пыльцу. Корделия осторожно сорвала цветок и понесла его вниз, аккуратно, как живую бабочку.

Спускаясь по винтовой лестнице, Корделия краем глаза заметила инструменты в Алхимическом Кабинете и замерла. Она должна была всё взвесить и измерить, свериться со звёздными картами и сделать расчёты… Как эта лилия поведёт себя со Сладкоголосым Сапфиром? Не будут ли Хвастливые Пуговицы и хвостовое перо Вороны-Выскочки чересчур для одной шляпы?

Потом её внимание привлекло кое-что поинтереснее шляпотворческих уравнений. На алхимическом верстаке лежала дюжина крошечных страз в форме звёздочек, выполненных из чистого золота. Их кончики, острые и сверкающие, были просто великолепны. На шляпе актёра они несомненно смотрелись бы бесподобно.

«Она не заметит, если я возьму три штучки», – сказала себе Корделия, заглядывая в тёмный кабинет, чтобы убедиться, что пратётушка спит.

Она тихонько сунула три стразы себе в карман, выскользнула из комнаты и заторопилась вниз по ступеням.

– Ах! – воскликнул актёр, увидев прекрасную лилию. – Цветок с самих райских вершин!

Корделия просияла и опустила руку в карман. Глаза актёра загорелись, стоило ему увидеть золотые звёздочки.

Добавлять разные вещи на шляпы оказалось весьма увлекательно.

Корделия стояла у прилавка и пришивала к бирюзовой треуголке стразы, перо и лилию. Пока она шила, актёр развлекал её декламацией своих любимых монологов. Он кинулся на пол (опять) и заплакал о девушке по имени Джульетта. Потом он встал на стул и голосом высоким, как туго натянутая струна скрипки, застенал о юноше по имени Ромео. Он замыслил убить кого-то, кого звали Цезарь, спел какую-то весёлую песенку и наконец, изображая встревоженный шотландский акцент, сделал вид, что ему явился призрак.

Когда Корделия вручила ему законченную шляпу, он нахлобучил её на голову и принял величественную позу. Измеритель Впечатления сообщил: «Превосходный Пижон!».

– А-ах! – воскликнул актёр. – Вы и впрямь сотворили мне шляпу, достойную императора, миледи!

Последовала довольно долгая пауза, пока он любовался собою в зеркале. Он напомнил Корделии голубя, воркующего со своим собственным отражением в окне. Звёздочки на шляпе сверкали и мигали.

– Я, сэр Хьюго Лейся-песня, навеки у вас в долгу, госпожа Шляпник, – наконец сказал актёр сдавленным от чувств голосом.

Он поцеловал Корделии руку, и новое перо на его шляпе пощекотало ей нос.

– Если вы дадите мне билет на сегодняшний спектакль, ваш долг будет уплачен, – ответила она, стараясь не чихнуть. – А ещё можно я возьму с собой

моего друга Гуся?

– Моя щедрая леди, любому вашему другу будет оказан приём, достойный принца! – объявил он. – Назовите ваше имя в театре, и вам отведут вторую наилучшую ложу!

С этими словами сэр Хьюго с важным видом покинул магазин. Корделия услышала, как он декламирует поэзию, шагая вдаль по улице.

В воздухе ещё звенели отголоски стихов сэра Хьюго, когда до Корделии донёсся грохот кареты, останавливающейся у передней двери Дома Шляпников.

В магазин торопливо вошли тётушка Ариадна и дядюшка Тибериус.

– Какие ингредиенты нам понадобятся? – спрашивал дядюшка Тибериус.

– Тихошёрстный фетр из гор Уэльса, – отвечала тётушка Ариадна.

– Мирножемчуговые Ракушки из бухты Покоя. – Дядюшка Тибериус целеустремлённо закатывал рукава.

– Сердечноцветы, – добавила тётушка Ариадна. – И немного просеянного звёздного света.

– Что происходит? – спросила Корделия.

Тётушка Ариадна чмокнула Корделию в лоб, а дядюшка Тибериус посмотрел на неё с серьёзным видом. Оба, казалось, были настолько поглощены своими заботами, что не заметили, какой в магазине бардак – отвергнутые сэром Хьюго шляпы валялись тут и там.

– Принцесса Георгина готовится вести мирные переговоры, – сказала Корделии тётушка Ариадна. – С тем диким юнцом, королём Франции.

– Он слал ей письма одно другого грубее, – прорычал дядюшка Тибериус.

– Мудроленты. И Дипломатический Шнур, – перебила тётушка.

Дядюшка кивнул.

– Они понадобятся нам безотлагательно.

– Принцесса заказала нам сотворить Шляпу Мира, Корделия, – объяснила тётушка. – Она должна быть готова через три дня, к полудню. Остальным Творцам также поручено изготовить Одежду Мира…

– Ха! Много ли будет проку от башмаков! – взорвался дядюшка Тибериус. – Они скорее заставят её попрать дипломатию – и растоптать любую надежду на мир! Вот шляпа – это вещь важная! Голова – вот где мысли рождаются, а шляпу на голову надевают!

– Ладно, ладно, Тибериус, в такие времена нужно закрывать глаза на разногласия, – сказала тётушка Ариадна. – Будем надеяться, что вся Одежда Мира возымеет должный эффект, и войны не случится.

– А где будут проходить мирные переговоры? – спросила Корделия.

– На корабле в Английском канале, – ответила тётушка Ариадна.

– Французы его по-другому называют, – мрачно пробурчал дядюшка Тибериус.

Тётушка Ариадна выудила из кармана серебряные астрономические часы и сверилась с ними.

– Когда вечером взойдёт Венера, мы должны начать, – объявила она. – И Водолей восходит, это поможет пратётушке Петронелле. Она должна дистиллировать немного Esprit de corps.

Дядюшка Тибериус с топотом побежал вверх по лестнице.

– Мне нужно свериться с Моделью Солнечной системы! – крикнул он сверху. – Прежде чем начать работу над лентами!

– Придётся закрыть магазин на сегодня, – сказала тётушка Ариадна Корделии, запирая дверь. – Нужно направить все наши усилия на сотворение Шляпы Мира!

Корделии внезапно стало не по себе.

– А правда будет… война? – запинаясь, спросила она. – Я должна спасти отца прежде, чем она начнётся!

Тётушка Ариадна уставилась на неё сверху вниз.

– Если мы сделаем Шляпу Мира наилучшим образом, – негромко сказала она, – возможно, войны удастся избежать.

– Чем я могу помочь? – спросила Корделия.

Тётушка замялась, так что Корделия напустила на лицо самое целеустремлённое выражение – смесь крайней серьёзности и решительного упрямства. Видимо, это убедило тётю.

– Пролистай книги и найди рунический символ мира. Переведи его на бумагу, а твой дядя вышьет его серебряной нитью на обратной стороне полей шляпы, – велела тётушка и заторопилась наверх.

Когда Корделия осталась в магазине одна, её пробила холодная дрожь, будто она окунулась в ледяное море.

Она задумалась, помешают ли принцессе мирные переговоры одолжить ей лодку для поисков отца.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Здесь и далее посетитель цитирует пьесу «Гамлет» У. Шекспира (пер. Б.Л. Пастернака).

Купить: https://tellnovel.com/ru/merchant_tamzin/shlyapniki

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить